

10го Listopadu 1931. — **Volné Kozáctvo** — Ročník IV.

92

10-го ^{го}ноября 1931 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

10-го листоп. 1931 р.

П Р А Н А

РІК ВИДАННЯ 4-ий

А.И. Тютюн

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Людмила Костина: Отзвеневшие песни. (Doznělé písně).
 2. Б. Попругин. Неизвестные казачата. (Nezvěstné děti kozácké).
 3. Борис Кундрюцков: Гимн Казакии. (Hymna Kozákii).
 4. Петр Закрепа: Гимн Казакии. (Hymna Kozákii).
-
5. В поисках выхода. (Anglické volby).
 6. А. Ленивов: Атаман Ермак Тимофеевич. (Ataman Jermak Timofejevič).
 7. В. П. Елисеев: Кто виноват? (Kdo vinen?).
 8. Вл. Куртин: Пластуны. (Kozáci).
 9. И. Билый: Не клевете! (Nekleveďte!).
 10. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 11. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 12. В Казакии. (V Kozákii).

Почтовый ящик.

Банат. — Г. А. — К сожалению, присланные фотографии слишком неясны, могли использовать только одну. В рукописи тоже не хватает одного листа. Привет.

Франция. — И. А. Б. — Получено. Привет.

Франция. — П. С. — Получено. Привет.

Югославия. — Ф. П. — Получено. Привет.

Белград. — Б. К. — Получено. Привет.

Польша. — К. — Дякуємо.

Франция. — С. К. — Хорошо. Привет.

Югославия. — А. Ч. — Все послано. Привет.

Харбин. — И. К. — Получено. Привет.

Франция. — Н. Ш. — Каждый вольный казак должен иметь у себя всю вольноказачью литературу, а журнал хранить особенно. Когда вернемся домой, каж-

дый вольный казак должен будет стать пропагандистом нашей идеи и нашей программы. Тогда литература ему как раз и пригодится. Привет.

Югославия. — Б. С. — Получено. Спасибо. Привет.

Италия. — Н. П. — „Ухнали“ будут напечатаны в следующем номере. Привет.

Париж. — *** — Ответ будет письмом. Привет.

Югославия. — И. С. — Журнал бесплатно будет высылаться только в исключительных случаях. Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал. Даже больше — и других уговорить сделать тоже самое. Этим оказывается весьма существенная помощь всему в. к. делу. Привет.

Турция. — М. З. — Чи дістали нашого листа?

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.

А. А. Генман. Заечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12. Bukarest V.

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff. Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Georg Kozlowsky. Berlin-Friedenau, Fehler str., 6.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszevska 5, m. 1.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 9, rue du Chemin-Creux, Joinville le Pont (Seine).

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 17, rue Katherine Favre, Monplaisir-Plaine. Lyon.

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Jeffre, Cenon (Gironde).

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

С. К. Поляков. M-eur S. Poliakov, Rombas.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.

Т. Л. Ляхов. София, ул. Царь Семён, 28.

Н. В. Аниканов. Княжево — Софийско, б. Ц. Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асень, 20.

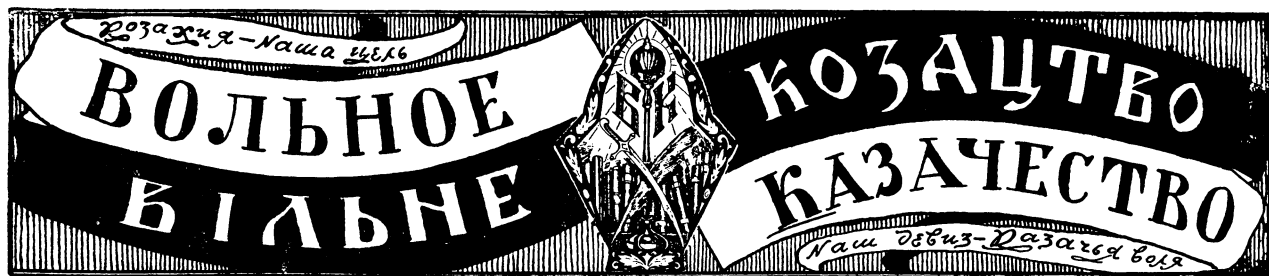
В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

Обращаем внимание читателей на новые условия подписки на журнал „В. К.“ на 1932 год, напечатанные на последней странице обложки.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 92

Вторник, 10 ноября, 1931 — Вівторок, 10 листопада, 1931.

№ 92

Людмила Костина. (Белград).

ОТЗВЕНЕВШИЕ ПЕСНИ.

Легкая и бледная, словно привидение,
Плечи зябко кутая шелковым платком,
Маленькая женщина поднималась медленно
По широкой лестнице, устланной ковром.
И казались странными в сумерках сгустившихся
Контуры фонтанов, арок и куртин,
И дурман азалий, в нишах притаившихся,
И навстречу вышедший черномазый Джим.
„Просят вас, синьора“, он промолвил холодно,
Странно поклонился, словно автомат,
И откинув вежливо вход задрапированный,
С теми же поклонами отступил назад.
Душно показалось за цветными стеклами,
В клетке попугай трещал какой то вздор;
А в глубоком кресле с лилиями блеклыми
С начатой сигарой отдыхал синьор.

Сразу ей припомнился, словно гладь зеркальная,
Лунным светом залитый дремлющий канал,
И гондола темная, и любовь печальная,
До конца не выпитый треснувший бокал.
Кудри шелковистые, и ресницы длинные,
И слова прощальные юного певца:
„Воля провидения, не ропщи, любимая,
Позабудь мечты несбыточного сна.“
Оборвались струны, смолкли песни звонкие,
Петонули медленно в гаснувших лучах...
В белой вилле вечером снова люстры ломкие
Отразились радугой в жутких зеркалах.
А на темном фоне бархата зеленого
Маленькая женщина в тонких кружевах,
Заломив в отчаяньи пальчики точеные
Плакала о песнях, канувших в волнах...

Б. Попругин. (Ч. С. Р.)

Неизвестные казачата.

Был конец 1916 г. Я находился со своей частью в полуразрушенной деревушке на юго-западном фронте. Помещался в низенькой халупе у одной солдатки, муж которой уже два года сидел в австрийском плену. Вбегает однажды она ко мне в плуتمную каморку с непривычно радостной улыбкой на широком, добродушном лице и протягивает какое то письмо. Письмо от мужа, но она неграмотна и просит меня прочесть ей содержание. Читаю вслух: „Мила жена моя Акулина Савовна, з далеково плену засылаю тебе свое супружеское пашчение и унижающий поклон до сырой земли...“

Обыкновенный, трафаретный солдатский стиль, каким писались тогда миллионы писем, растекаясь с фронта по всем направлениям Российской империи, но на солдатку он производит умиляющее впечатление. Она блаженно улыбается и даже слезу пускает от избытка чувств...

— Господи, Иван так гарнісінько пише, а я і листа в руках тримати не вмію, — сокрушается солдатка. — Охвицеру-соколику, напишіть йому відповідь, я вам подякую...

Как ей было отказать, когда она так сердечно просила, а перед этим неоднократно приносила мне „повну гладишку молока“.

С тех пор прошла такая бездна событий, что просто дух захватывает, когда вспомню... Давным давно забыл я и название села, где это случилось, и фамилию той солдатки, и самая тогдашняя жизнь сейчас кажется не пережитой в действительности, а выхваченной из туманных сновидений... Единственное, что мне врезалось почему то в память, это штемпель на конверте, который прибыл из чужой, враждебной, для меня неведомой страны. Kriegsgefangenenlager Milowitz старательно тогда выводил я на ответном письме солдатки, чтобы оно благополучно дошло по назначению. Это слово Milowitz почему то запечатлелось у меня в мозгу, быть может, потому, что в нем слышалось что то родственное, не по германски мягкое для моего уха... И утекло с того времени много, очень много воды, но еще больше — слез и крови. Пятнадцать годков протекло с тех пор, но они так насыщены событиями, что их можно было бы растянуть на нормальных сто...

Случилось мне этим летом работать в окрестностях Эльбы, славянской Лабы, немой свидетельницы многовековой борьбы двух племен... Прекрасная, широкая река с песчаным дном и зеленой каймой леса по сторонам! Много воскресных дней провел я на берегу Лабы, в тенистом дубовом лесу, куда не доносился шум европейской культуры и родственный, но не родной че-

ловеческий говор. И тогда переносился я в мыслях к другой Лабе, не менее прекрасной, зато более мне близкой и богатой природными декорациями. Она осталась где то там, позади, далеко, далеко и струила в родных просторах свои воды много быстрее, нежели эта. Кубанская Лаба была резва и шаловлива, как молоденькая, беззаботная девочка, а Лаба — Эльба выглядела словно усталая, измученная жизнью старуха... И все же иногда удавалось так полно забыть, что я чувствовал себя дома, на лоне родной земли... А если иллюзия не получалась, тогда опрокидывался на мягкую травку, лицом к лазурному небу, которое в Чехии охотно кутается в ватный сарафан облаков, или же прикрывается жидкой, разорванной вуалью подвигных, белых барашков. Только небо у нас было глубже и лазурь чище. Даже облака на Кубани казались легче и ажурнее... Смотришь на такой вольный клочок белого пара и думаешь: „Быть может вчера еще он образовался от влажного дыхания восточной Лабы и ее матери — Кубани, чтобы сегодня дождичком пролиться над Лабой западной, или хотя поглядеться в ее мелкие воды...

Мне всегда становилось радостно, когда тучи плыли с востока и я мог приветствовать их словами Лермонтова: „Тучки небесные, вечные странники, степью лазурною, цепью жемчужною, мчитесь вы, как будто и я же, изгнанники с...“ милой родины в сторону Западную... Прекрасное эфирное стихотворение! Лежишь так на спине до позднего вечера и не можешь натешиться своими переживаниями, а на сердце так хорошо! Гонишь от себя заботы житейские, чтобы не вспугнуть робкие, как серны, мечты... Вспоминается невозвратное прошлое и помыслы становятся чистыми, возвышенными, не загрязненными подлой действительностью и окружающей пошлостью...

И еще глубже отдаешься своему настроению, когда наступает тихий вечер и с луга слышен хор лягушек, славословящих Творца, а небо искрится звездами. Только все же это не то, не свое! Наши лягушки были звонче, темпераментнее; и звезды у нас светили ярче, полнее, точно лампы церковные; и свод небесный над Кубанью висел как то ниже и уютнее...

Промелькнуло короткое лето, так непохожее на наше лето. Серое, унылое небо не переставало оплакивать его уход мелкими, надоедливими слезами, поднимая в душе раздражение. И без того скромные заработки, сократились до смешного минимума. Исполняешь под моросющим влажным пылью дождиком созидательную работу, а настроение внутри разрушительно... С удовольствием, кажется, все кругом разметал бы, распушил в знак протеста против коварной несправедливой судьбы...

Откуда то доносятся гулкие, столь знакомые уху удары, сотрясающие воздух и напрягающие душу. Это учебная, артиллерийская стрельба в нескольких километрах отсюда...

А вот и суббота 31 октября по н. с. „Получил полчку я,“ помылся, почистился и спешу на ж. д. станцию, чтобы ехать в Прагу. На станции толпятся массы народа всех возрастов, полов и состояний с букетами цветов в руках. У них сегодня „душечки“ — день поминовения усопших. Каждый несет цветы на дорожку могилу... Живая человеческая волна выливается с вокзала и разливается по шоссе. Я заинтересовался и обратил внимание за разъяснением к какой то дорожной даме. Оказывается, идут в Миловицы: там находятся военные лагеря; там расположено несколько полков; там есть обширное кладбище, где во время войны похоронены тысячи разноплеменных людей... И вдруг молнией вспыхивает мысль: Kriegsgefangenenlager Milowitz... Ну да, это же и есть Milowitz — Миловицы. Странное волнение охватывает меня. Как жизнь богата неожиданностями!

Сразу меняется мое решение: ехать в Прагу уже не хочется; знаю ведь ее, как свою старую, занозенную шпалу, а в Миловицах получу столько свежих впечатлений! Вмешиваюсь в толпу и молча иду по шоссе, а воображение рисует разношерстные группы пленных, сотнями и тысячами согнанных сюда со всех австрийских фронтов и следовавшие по этому скорбному пути,

в конце которого их ожидала голодная смерть и холодные объятия могилы...

Подходим, вернее — спускаемся к Миловицам, в красивую, но неприветливую лощину, похожую на природную, отрезанную от света западню. Какая масса однотипных построек, казенного, неуютного образа! Десятки огромных барakov-дошаников сейчас переделаны в войсковые склады и только в кирпичных красных казармах помещаются солдаты. Во время войны, говорят, барakov было раз в пять больше — все руками военнопленных выстроены. Тысяч 60 измученных людей натасовали сюда австрийцы и они гибли, как мухи осенью, особенно итальянцы, телесно более слабые, непривычные к климату и суровым условиям, главное же — постоянно голодные и изнуренные непосильным трудом. Обычное меню пленного состояло из вареной брюквы и свеклы...

Сначала хоронили их на военном кладбище, потом просто в поле по 40—50 в одну яму, а под конец складывали трупы, как дрова, на повозку и сваливали в старые угольные шахты. Был даже случай, когда возница потерял в дороге одного мертвеца и его утром нашли прохожие... Мне становится неприятно на душе, хотя я выдал более жуткие вещи, у моего же случайного собеседника глаза увлажняются, когда он рассказывает:

— Ах, пан дорогой, с какой мольбой они всегда просили у встречных крестьян хлеба, когда их гнали на работу. Сердце рвалось на части при виде этих 18—20 летних мальчиков, тшедушных и шатающихся от слабости, когда их заставляли производить тяжелые земляные работы, или в ноябрьский холод загоняли в Лабу укреплять берега... Вырвал бы, кажется, у себя изо рта последний кусок хлеба и отдал, чтобы только не глядеть на муки этих несчастных, ни в чем не повинных детей... Но это строго воспрещалось и наказывалось властями. Озверел народ от войны и лишений... Однажды летом я работал с женой на 'поле. Сели к скромному обеду. По дороге как раз гнали партию итальянцев с работы. Один крохотный солдатик, ну — совсем двенадцатилетний подросток на вид, — не выдержал пытки голода, вышел из строя и с криком „пан, глба!“ бросился к нам, но вдруг споткнулся, взмахнул руками и тихонечко растопырился на земле: пуля свирепого мадыарского гонведа продрыжила ему затылок... Жена потом целый месяц не могла успокоиться и все плакала, когда вспоминала бедняжку... С тех пор ежегодно в этот день кто нибудь из нас ходит на могилу несчастного Луиджи помолиться и украсить ее цветами. Отец с матерью вероятно не знают, где покоится его тело... У меня сын тоже где то в далекой Сибири лежит... Быть может найдутся тоже добрые люди и вздохнут над его могилой... Русским и сербам тем жилось лучше: они были выносливее, быстро осваивались с населением и его языком и крестьяне охотно брали их к себе на работу. Итальянцев же здорово почему то не любили австрийцы...

Хотел было заглянуть в костел, но молящихся — полно, да и неинтересно мне, говоря по совести. Наша православная заупокойная неизмеримо трогательнее и прекраснее католической, которая ни уму, ни сердцу моему ничего не говорит. Отправляюсь прямо на кладбище. Их здесь несколько: выбираю то, где больше всего похоронено пленных из России. Это даже не кладбище, а обширное поле, обнесенное проволокой для вечного упокоения заброшенных в эти негостеприимные края жертв плена. Сколько здесь могил, Боже, сколько могил! Настоящее царство мертвых... Правильными военными рядами выстроились скромные деревянные кресты: и для мертвых дисциплина нужна... И все это — молодые, отборные, полные жизненных сил люди, ценнейшая часть своего народа, которая могла бы принести ему еще столько пользы! Какой все таки расточительный мот эта война! Без разбора, без толку, слепо вырывает она из жизненной нивы зеленые, еще не налившиеся человеческие колосья, чтобы растоптать их в тлен и прах...

Кресты приходят в ветхость. Со многих исчезли перекладины. Жестяные дощечки с именем покойника настолько проржавели, что надписи сделались недоступны для чтения. Недалек тот час, когда под всеми эти-

ми крестами будут почивать неизвестные солдаты... Могилы неизвестных солдат, которые поростут травой и память о которых навсегда изгладится из жизни — как все таки это жутко! Но русские, по крайней мере, погребены персонально, а итальянцы свалены в братские ямы по 30—40 человек в каждой... Зато возле них поставлен прекрасный мраморный памятник, присланный из прекрасной Италии благодарными живыми. Русские тоже имеют свой памятник, но значительно скромнее, сооруженный на лепты пражской эмигрантской колонии.

На итальянских могилах видны цветы, на одной из них даже теплится лампадка. Родина не забывает своих мертвых... На русских — хоть шаром покати. Ложатся они никому ненужные и забытые много, много лет... Те, кто бы мог вспомнить о них и помолиться, или тоже уже покойники, или если и живые, то нередко завидуют мертвым... И трудно сказать, кого приходится больше жалеть: тех ли, что отошли на вечный покой, иде же несть ни болезнь, ни печаль, ни вздыхание; или этих, которые еще плавают по бурным, враждебным волнам житейского моря... Здесь по крайней мере никто не тревожит покоя мертвецов, а там и мертвые покоя не имут.

Нет, не правда. Не все могилы забыты. Я замечаю один крест, заботливо убранный цветами и выбеленный известью. Иду к нему, чтобы прочитать имя счастливого усопшего, а одновременно с другой стороны к нему подходит какая то уже немолодая женщина, с букетом цветов в руке. С ней рядом — хорошенький мальчик лет 12 с прекрасными, глубокими, шаловливыми глазами. Женщина по-католически складывает набожно руки и долго молится, а мальчуган со скукающим видом оглядывается по сторонам.

— Богуш, молись вместе со мной за тятку, — строго обращается к нему мать.

Видя, что женщина окончила молиться и собирается уходить, приближаюсь к ней и спрашиваю:

— Простите мою нескромность, здесь похоронен русский?

— Да, русский, — отвечает она, удивленно глядя на меня.

— Это был ваш знакомый?

— ... Муж, — замаялась она. — Вот и сынишку от него имею. Смерть взяла его у меня... Уже под конец войны, когда можно было ехать домой, он скоропостижно заболел и умер. Тринадцатый год оплакиваю его...

„Донской казак Александр П-в, 27 лет, умер X-18 г.“ — читаю на дощечке. Задаю своей собеседнице еще несколько вопросов, но она отвечает неохотно. Не хочу быть назойливым и оставляю ее в покое. Мне только больно становится, когда я смотрю на ее сынишку: такой славенький, шустрый, черноокий пострел — настоящий казак. Через пару лет всех девушек в деревне будет сводить с ума... Только подай ему коня и всякие выкрутасы начнет выкидывать!

Женщина в последний раз крестится, по-католически приседает на одной ножке и уходит. А я с сожалением гляжу вслед красивому смуглому мальчугану, в жилах которого течет казачья кровь...

Я уже хотел перейти на другое кладбище, когда на дорожке снова появилась женщина — не та, а иная, много моложе и настоящая красавица, несмотря на скромный, деревенский туалет. Она вела за руку девочку тоже лет 12, но что за прелестное создание была эта девочка! Мягкий овал смуглого личика обрамляли завитые каштановые волосы; глазенки, как два черных уголька, любопытно глядели из под длинных ресниц; острый, чуткою вздернутый носик, придавал лицу капризную непослушность...

Женщина, озираясь на все стороны, направилась к той же могиле, что и первая. Совершенно так же начала она горячо молиться, склонившись к девочке и обвив руками ее шею. Дав ей время удовлетворить себя молитвой, подхожу ближе. На лице женщины еще

блестят слезы, а дочурка, глядя на мать, тоже набрала полные глазенки слез.

— Простите, — говорю ей, — вы вот сокрушаетесь у могилы этого казака, а я — тоже казак родом и пришел немного взгрустнуть над своими собратьями... Вы вероятно его жена?

— Нет, я не жена, а бывшая невеста Саши...

Снова слезы заструились по ее свежим щекам.

— А вот моя дочка от него, — продолжала женщина, нежно прижимая девочку к себе. — Ах, какой это был красивый мужчина и как я его любила! Так любить можно только раз в жизни...

Уже смеркалось и я должен был спешить на поезд. Моя собеседница была из ближайшей деревни. Идя некоторое время со мной по шоссе, она разоткровенничалась:

— У нас нет таких мужчин, как был Саша. Не человек, а огонь... Посмотрит, бывало, на тебя своими палящими глазницами и голова пойдет кругом, точно мыльный пузырь... Я была семнадцатилетней дурой, когда впервые его увидела. Сразу стала, как шальная... Забывала работу, убегала из дому, часами простаивала на морозе, чтобы только его видеть. Потом взял его к себе один наш седлак на работу и мы начали чаще встречаться... И он меня любил. Гостинцев сколько от него перебрала! Добряк был Саша, каждое мое желание бывало исполнит... Деньги у него всегда водились: и зарабатывал, и из дому ему посылали — богатого, сказывал, роду был... Только на баб больно падок оказался... А бабы его все любили. Умел кружить дурам головы... Молодки по мужьям в войну стосковались, а тут — на тебе — этаким принц-красавец объявился. И одеваться умел здорово. Либли на него девки и солдатки, как мухи на мед... Я знала, что верности мне он не соблюдает, но не обижалась. Понимала, что с другими он только так шутя, а со мной лишь взаправду... Уже очень я любила Сашу. И сейчас без любовной мысли вспомнить о нем не могу... Говорил, что как только кончится война, женится на мне и в свои края далекие, вольные увезет... Знаю, что не лгал и если бы остался жив, то сейчас была бы его женой. Бабы его губили. Спутался с одной солдаткой. Упек ей ребенка и мне оставил память... — улыбнулась моя спутница. — Но я была девушка и считала, что перед Богом мы и так свои, а та другая мужа на фронте имела и путалась с ним... Уже кончилась у вас война и у нас кончалась. Саша собрался ехать домой... Клялся, что меня не бросит: сперва сам поедет посмотреть, как там по революции живут люди, а потом меня вызовет. Я очень плакала, но верила ему и согласилась его отпустить. Уже совсем снарядился в дорогу, да вдруг заболел... Всегда был здоров, как дуб, а тут разом его свалило. Даже двух дней не протянул и отдал Богу душу... Я и топила, и травилась, и вешалась — да все спасали... Могу на евангелии поклоняться, что это та солдатка подмешала ему к еде яд. Совсем одурела баба от любовного греха. Легче было ей видеть Сашу мертвого, чем потерять живого. Господь ей судья, а мою жизнь разбила... Кому я с ребенком нужна? А люблю свою Ярмилку без меры — единственная у меня радость на свете осталась. Только прохожу ей соседские дети не дают, все казачкой дразнят. А я так говорю дочке, чтобы гордилась тем, что отца казака имеет. Добрые ваши люди, у нас таких нету... А та другая греха своего замолить не может, вся иссохла, будто треска... Каждый день бегают на могилу Саши...

От шоссевилась проселочная дорога. Моя спутница очень тепло простилась со мной и мы разошлись.

„Ай, да Гаврилыч, духом тебе чужая земля!“ — думал я по пути на станцию. — „Как степной донской орел, налетел ты на стадо робких домашних гусынь и ни одной спуска не дал... Жаль только, что гусята для нас утеряны“...

Где только ты не проливалась, буйная кровь казачья! По целому свету можно сейчас встретить твои следы...

Борис Кундрюцков. (Белград).

ГИМН КАЗАКИИ.

(Проект).

Забыты беды...
 Огонь победы
 Зажег нам светоч впереди
 И сердце бьется,
 И сердце рвется
 В свободно дышащей груди...
 Все вперед: Казачество, Народы
 За Отчизну — счастье умереть —
 Отстоять свой Край и честь Свободы
 И врага коварного стереть...
 Так, помолитесь,
 И в бой неситесь
 Пусть ужас лава породит...
 И в битве страшной
 Из нас пусть каждый
 Кривую шашку обнажит...
 Все вперед: Казачество, Народы
 За Отчизну — счастье умереть —
 Отстоять свой Край и честь Свободы
 И врага коварного стереть...
 Разгонит тучи
 Порыв могучий.
 К спокойной жизни вернемся вновь.
 Поднимем чаши
 За Волю нашу
 И за пролившуюся кровь...
 Все вперед: Казачество, Народы
 За Отчизну — счастье умереть —
 Отстоять свой Край и честь Свободы
 И врага коварного стереть...

Петр Закрепа. (Швейцария).

Г И М Н.

(Проект).

Кто бережет степей свободу,
 Смолоду честь свою —
 В жертву теперь отдаст народу
 Жизнь в роковом бою;
 Павших ряды сомкнет теснее.
 Гордый уходит враг.
 Ветер степей родных развеет
 В небе победный стяг!
 Вот, от Кубани до Урала —
 Дальних просторных мест
 Кличем народ в одно собрала
 Воли забытой весть;
 Старых времен живут преданья.
 Пала ль на память тень?
 Бард повторит в своих сказаньях
 Прежний ушедший день;
 Подвиг в былом — огонь героям —
 Новых родит бойцов,
 Каждый вдохнет пусть перед боем
 Силу своих отцов!
 Кто бережет степей свободу,
 Смолоду честь свою —
 В жертву теперь отдаст народу
 Жизнь в роковом бою.

В поисках выхода.

Английские выборы.

Все, что происходит в Англии, имеет огромное значение не только для Британских островов, но и для всего мира.

Во-первых потому, что английские события непосредственно отражаются на интересах всего Британского имперского объединения, необозримые территории которого, как известно, раскинуты по всему свету, а население равно приблизительно 500 миллионам людей всех белых и цветных рас, имеющих на нашей планете. Во-вторых потому, что Великая Британия является государством не только могущественным материально, но и таким, сила которого покоится на мудрой внутренней и внешней политической организации, представляющей и поныне предмет зависти и подражания со стороны всех других великих государств, европейских и за-океанских.

На протяжении десяти лет эмиграции мы не раз уже убеждались в том, как то или иное решение английских дел и вопросов отражалось на других странах и государствах. В данном

случае английские события интересуют нас и по специальному поводу — по вопросу „большевицкому“, ибо английская политика в „русском вопросе“, признание и поддержка московских большевиков или наоборот — весьма существенно отзывалась и в других государствах.

Но не одни политические учреждения Великой Британии импонировали Европе и всему миру. Те-же чувства вызывали английские — торговля и промышленность, английские — экономика и финансы. Ибо половина торгово-промышленных обязательств всего мира обозначалась до сих пор в английских фунтах стерлингов; Лондон был и есть центром, в котором сходятся финансовые интересы со всего света; рынком своим Англия считала весь земной шар.

И вот, на наших глазах, для этого государства настали тяжелые дни: все после-военное время Англия не выходит из полосы кризисов, следующих один за другим.

Первым — вскоре по окончании войны — обозначился для англичан кризис имперский. Все близкие и далекие британские владения, населенные английскими и иными белыми колонистами,

во время войны так ревностно — войсками и средствами — поддерживавшие свою метрополию, по заключении мира потребовали от нее признания их государственного суверенитета и полной политической самостоятельности. Посторонние наблюдатели, плохо осведомленные с духом английской политической культуры, полагали, что для старой Англии наступил последний час ее великодержавного существования. Все враги Великой Британии насторожились и в особенности ликовали красные повелители Москвы. Действительность обманула все ожидания. Несравненная государственная мудрость Великобритании восторжествовала по всей линии. На двух последовательных имперских конференциях англичане удовлетворили требования своих колониальных соотечественников, признали за ними всю полноту государственного суверенитета. Британская империя формально перестала существовать, но на ее месте возникло Британское Обьединение, в котором король Англии является королем Ирландии, королем Канады, королем Австралии и т. д. Новое государственное образование стало, как говорят англичане, Британскою Лигою Наций, которая общностью своих целей и интересов ныне спаяна несравненно сильнее, чем бывшим иерархическим подчинением. И этот государственный акт совершили не крайние политики левого образа мыслей, а воспитанные в старых традициях английские консерваторы, в компетенцию которых, казалось бы, входит не творчество новых форм, а охранение старых. Но как раз в этом отношении английские консерваторы резко отличаются от консерваторов всех прочих стран. Когда это необходимо для нации и государства, они могут быть и бывают радикальнее всех левых, вместе взятых.

Вторым по времени проявился кризис экономический, а по связи с ним возник и третий — политический. Эти кризисы развивались параллельно, переплетаясь между собою причинами своими и последствиями.

Комплекс причин, вызвавших английский экономический кризис, весьма сложен, но главнейшею из этих причин должно признать — объединение человечества, явившееся результатом великой войны и тех политических и социальных пертурбаций, которые возникли после ее окончания. Из мирового торгово-промышленного оборота выпали такие страны, как Индия, Китай, бывшая Российская Империя и т. д. В переводе на бытовой язык это обозначает, что приблизительно половина населения земного шара почти ничего не производит и почти ничего не покупает. Такого рода явление должно было отразиться и отразилось с особой силой именно на Англии, финансы, производство и торговля которой организованы были в мировом масштабе и донныне остаются такими. В английских делах настал застой, флот оказался без перевозок, рудники закрывались, фабрики и заводы приостанавливались и в стране, обычно нуждавшейся в рабочих руках, появился посто-

янный контингент безработных, дошедший до колоссальной цифры в 2,5 миллиона.

Такое положение дел ударило тяжело и по государственным финансам. Поддержка безработных требовала огромных средств, источники государственных доходов быстро истощались, а главный из них, — подоходный налог, — обычно покрывающий все бюджетные недочеты, оказался совсем исчерпанным, ибо ставки его дошли, как во время войны до 75% и даже в некоторых случаях до 85% всего частного годового дохода. Английский труд перестал обеспечивать ее население, и страна вынуждена была приостановить свое накопление, с'едая накопленный ранее капитал. Финансовая английская система стала давать всеобщие перебои, в государственном бюджете появились непокрытые дефициты, заколебался даже фунт стерлингов, — эта, казалось, несокрушимая мировая валютная единица.

Одной этой причины было бы вполне достаточно, чтобы вызвать в любой стране острый политический кризис, связанный с возможностью революционных потрясений со сменой формы и методов управления и т. д. Англия так далеко не пошла, — просто потому, что не было в том нужды для нее. Подлинная образцовая демократия, отбыла она свою революцию около трехсот лет тому назад и с тех пор научилась упорядочивать свои внутренние государственные дела без крови и потрясений. Вместо государственного переворота, в Англии распускают парламент, вместо постройки баррикад производят всенародное голосование. Это — дешево, разумнее и дает более прочные результаты, как думают англичане. Долгий исторический опыт утвердил их в этом мнении; не отступили они от него и в период настоящего кризиса.

Для преодоления этого кризиса тремя английскими партиями предлагались три различных пути. Сводя их часто длинные, многоречивые и многообещающие и не всегда ясные программы к простым и коротким словам, пути эти можно характеризовать так. Либералы предлагали стране на покрытие государственных дефицитов и поддержку безработных, в ожидании лучших времен, производить внутренние и внешние займы, живя таким образом за счет будущих поколений, которые так или иначе с этими займами рассчитаются. Социалистическая рабочая партия считала возможным найти необходимые средства уже у современного поколения, национализировавши копи, банки, пути сообщения и т. д. и организовавши в индустриальной и финансовой областях рабочий контроль, — иначе говоря, устанавливая вместо существующего капиталистического строя предпосылки социалистического порядка. Наиболее скромную программу предложили консерваторы. Английский кризис, по их мнению, по своему происхождению связан с мировой конъюнктурой и может быть преодолен лишь усилиями международными. Англия должна потому, с своей сто-

роны, вести вместе с иными великими государствами соответствующую международную политику, а у себя дома временно, — может быть и на долго, — „сжаться“, проявляя строгую экономию и бережливость во всех государственных, муниципальных и частных расходах.

Из этих трех программ либеральная сразу же вышла из оборота. Англичане по мере сил своих всегда заботятся о том, чтобы их расходы, — как бы они не были велики, — не перекладывались на будущие поколения. Даже великую войну вели они в значительной степени на средства сражавшегося на фронте поколения, а по окончании ее сразу стали полностью рассчитываться с накопившимися долгами. Борьба политических английских мнений за время кризиса сосредоточилась сразу же на резко противоположных программах — консервативной и социалистической. Перед населением встал вопрос: оставаться ли Англии капиталистической страной с традиционной национальной мировой политикой или превратиться ей в авангард интернационального социализма? Под знаком этого вопроса на протяжении последних нескольких лет происходили все выборы в английский парламент. Решить этот вопрос в окончательной форме призваны были рабочие массы Великобритании, имеющей в составе своего населения наибольший в мире процент промышленного пролетариата. Колебаниями настроений этих масс объясняются перемежающиеся нерешительные победы и поражения консерваторов и рабочих (лабуристов) на выборах 1924, 1926 и 1929 годов.

Колебания эти разрешились лишь тогда, когда социалистам дана была возможность испытать свои теории в государственном масштабе, проявить их действие в практике государственного управления. Такой опыт произведен был Мак-Дональдом, сформировавшим, при поддержке либералов, чисто социалистический кабинет в 1929 году. Кабинет этот просуществовал два года и привел к сокрушительным для социалистов последствиям. Сам Мак-Дональд вынужден был официально и открыто признать, что социалистические теории неприменимы к государственной практике и могут привести Англию лишь к гибели. В результате своего опыта вождем социалистов фактически присоединился к программе консерваторов и предложил образовать единый национальный фронт для борьбы с затлывшимися грозным кризисом. Призыв этот услышан был страной и рабочими массами и на недавних выборах дал оглушительную победу национальному кабинету и его главной опоре — консерваторам; социалисты же, которые остались верными своей прежней программе, были разбиты на голову, сохранив за собою весьма небольшую группу депутатов в парламенте.

В поисках выхода из тупика политического и экономического кризисов старая Англия вернулась на традиционные, испытанные исторические пути, решительно отвергнувши обманчивое марево социалистических блуждающих интернациональных путей. Пойдут ли за ней по тому же пути старые и новые народы Европы? На это может ответить лишь ближайшее будущее.

А. Ленизов.

Атаман Ермак Тимофеевич.

К 350-летней годовщине завоевания Сибири (1581-1931 г.).

(Историческая справка).

В г. Тобольске, где некогда располагалась столица Сибирского Царства — г. Искер (Сибирь), стоит на высокой горе гранитный памятник, на одной стороне коего выбито — „Покорителю Сибири Ермаку“, а на другой — дата покорения Сибири — „1581 год“.

350 лет тому назад донской казак Ермак Тимофеевич, один из атаманов Поволжской казачьей вольницы, находясь во главе 840 казаков (отчасти и новгородцев) завершил свой 2-ой поход „воевати Сибирское Царство“ разбитием главных сил татар под водительством самого хана Кучума, взятием столицы Сибирского Царства — г. Искера (Сибири), а также и пленением татарского царевича Махметкула.

Парадоксы истории разительны: Ермак, вольный казак, „Волжский разбойник“, потряхнувший Сибирским Царством и давший корону Сибири Московскому Царю Ивану IV, узаконен русской историей, как официальный „русский герой“, Степан же („Стенька“) Разин, тоже вольный казак и тоже „Волжский разбойник“ потряхнувший Персидским Царством, не только не поднес корону оного Царства Московским Царям, но еще потряхнул и самим Московским Государством, возмев в мысли „заменить старый порядок иным казацким, вольным, для всех равным, выборным, общенародным“, ¹⁾ увековечен в русской истории, как официальный „вор“ и „разбойник“.

¹⁾ Проф. Н. И. Костомаров, „Из нашего прошлого“. Берлин, 1922 г.

Какая может-быть аналогия между покорителем Сибири, славным Атаманом Ермаком Тимофеевичем, князем Сибирским²⁾ и удалым „Волжским разбойником“, „воровским“ „Атаманом“ „Стенькой“ Разиным?.. Где правда, где справедливость, где ложь и извращение!.. Оба, и Ермак, и „Стенька“ Разин — вольные казаки, оба „добычили“ на Волге, оба не раз и не два наносившие ущерб интересам Московского Государства, увенчаны русскими историками различно: один (Ермак) вознесен на „пьедестал славы“, другой (Степан Разин) предан „анафеме“. Но, не взвзяв ни на что, оба живут в народной памяти, как вольные казаки не гнушавшие своей „выи“ перед Московскими Царями, оба воспеты в народных песнях, как былинные народные герои!..

Кто такой Атаман Ермак Тимофеевич?.. Есиповская летопись³⁾ (труд написанный казаком, участником Сибирских походов Ермака) повествует нам о том, что Ермак был среднего роста, имел широкие плечи, большую физическую силу, обладал огромным упорством, честолюбием, являлся человеком выдающегося ума и выделяющейся личной храбрости. На лицо Ермак был весьма худощав, имел длинную черную бороду и большие вьющиеся волосы на голове. И если судить по подобному описанию наружности Ермака о его происхождении

²⁾ Иван IV Грозный в грамоте, данной на имя Ермака, именует последнего князем Сибирским.

³⁾ Сибирские летописи. Изд. Имп. Археогр. Комиссии. С. П. Б. 1907 г.

дении, — где искать его родину? Некоторые казачьи историки⁴⁾ высказывают предположение, что Ермак мог быть только или донским или мецкерским казаком, а может быть и черкасом.

Многие русские историки указывают на то, что существовавшие записи, как-то „Ермак Тимофеевич сын Повольской“⁵⁾ дает право утверждать о том, что фамилия Ермака и была — „Повольской“. Действительно ли это так?..

Современный казачий историк И. Быкадоров в своем специальном исследовании⁶⁾ пишет „... в поднепровской части (Украины — прим. автора), где было интенсивное приселение тюркских народностей преобладало окончание *ий, ой...*; причем, все они тюркского происхождения“. Если базироваться на этом определении, то фамилия „Повольской“ могла быть только тюркского происхождения и тогда-бы Ермак по своему родовому происхождению явился-бы черкасом (черным клобуком), переселившимся на Дон и вступившим в ряды Донского Казачества.

Несколько далее И. Ф. Быкадоров говорит: „Фамилии казачьи, происходящие от географических названий, преимущественно городов, городков и станиц... дают мало данных для определения национальности предков особенно, если названия станиц послужили основой для фамилий“.

Новгородские ушкуйники ховяйничавшие на р. Волге в XIV и XV в. в. имели между иными наименованиями и следующее: „Повольские разбойные люди“. Волжское вольное казачье войско, а равно и Волжское служилое казачье войско, существовавшие на р. Волге, упорчивают и в официальных документах тех времен наименование — Вольские войска.

Резюмируя сказанное, мы полагаем, что наименование „Повольской“ есть понятие чисто географического характера, именно, прозвище данное Ермаку по принципу (характеру) его пребывания на р. Волге, в качестве известного „Повольского разбойника“, т. е. иными словами слово „Повольский“ является фонетически видоизмененным переходящим словом „Повольской“. Далее мы смеем утверждать, что эпитет „сын Повольской“, если рассматривать его в порядке восходящей семейно-иерархальной лестницы, никак не согласуется с тем, что нам дает общее сочетание имени и отчества славного Атамана, именно Ермак Тимофеевич. Ибо, если слово (имя собственное) „Ермак“ является именем Атамана — покорителя Сибири, то слово (имя собственное „Тимофеевич“ знаменует собой отчество Ермака, т. е. имя его отца, и тогда Ермак является сыном Тимофеевым (по принципу семейно-родового начала) и „сыном Повольским“ (по принципу географического понятия).

„Московский Царь в грамоте не называл обычно фамилии Донского Атамана, а только имя и отчество его (Осип Петров); это было особым почетом; обратно, и Донское Войско не ставило фамилии атамана в отписках Московскому Царю, а только имя и отчество. Эти грамоты и списки являются главным материалом для истории, и мы до сих пор не знаем фамилий таких Донских Атаманов, как Ермак Тимофеев. Тимофеев, Петров и т. д. являются отчеством, а не фамилией...“)

Прозвище „сын Повольский“ не дает абсолютно никакого намека на выяснение происхождения Ермака в смысле этнографическом.

Много толков и кривоистолкований вызывает разрешение вопроса и о происхождении самого имени „Ермак“. Многие склонны предполагать, что „Ермак“ это видоизмененное христианское имя — Ермила, Ермолай! Нельзя не согласиться с тем, что имя „Ермак“ совершенно не подходит для официального „русского героя“. Окончание ак определенно указывает на тюркско-монгольское происхождение слова, ибо

в народном обиходе имеется и в настоящее время (на Дону) много слов (обиходных) определенного тюркского происхождения (аргамак, армяк, чепрак, буерак и т. д.).

Переходим далее к исследованию жизнедеятельности Ермака во времена предшествовавшие покорению им Сибирского Царства.

В 1552 году шесть тысяч донских казаков под главенством Атамана Сусара Федорова ходили под Казань, в помощь Московскому Царю Ивану IV, в борьбе его против казанских татар. От этой поры до самого последнего времени, сохранялась на Дону легенда о том, что во взятии Казани участвовал и Ермак Тимофеевич. В дошедшей до нашего времени старинной казачьей песне, об этом говорится так:

„Ермак тремя стами казаками город взял,
Город взял он Казань и царю отдал,
Избавил Ермак войско царское от урона,
За то царь пожаловал Ермака князем
И наградил его медалью именной,
Да подарил Ермаку славный Тихий Дон
Со всеми его речками и проточками“.

Эта песня и является собственно первым упоминанием (по времени) о Ермаке: официальных данных, указывающих на участие Ермака во взятии Казани — не имеется.

Существует также легенда и о том, что в 1559 году, когда восьмидесятитысячная отборная турецкая армия султана Селима совершила поход через Дон от кр. Азова к г. Астрахани, Ермак оказал неоценимые услуги Московскому Государству, защищая его юго-восточные границы от нападающих татар. Ничего нет удивительного в том, что вокруг имени Ермака слагались в народном творчестве и небылицы, ибо необходимо считаться с тем, что имя Атамана Ермака Тимофеевича стало общим народным достоянием, соответственно чему и явилось покрытым ореолом совершенного героизма.

Выясняя вопрос о времени появления Ермака на Волге, нельзя не остановить внимания на том, что Московский Царь Иван IV, стараясь избежать всяких осложнений с турками и крымскими татарами, официально отрекся от „воров-казачьих“. В 1574 году Царь Иван IV писал крымскому хану: „казаки Донские не по нашему велению на Дону живут“...

Предание говорит: „Царь Иван IV послал в 1574 году своих воевод со стрельцами на Дон, желая наказать казаков за „самоуправство“. Следствием этого, якобы, собрался с'езжий Круг Донского Войска на месте нынешней Раздорской станицы (на Дону), который и должен был решить: либо подчиниться давлению Москвы, либо защищать свою честь с оружием в руках, либо под давлением чужеземной силы покинуть территорию Дона.

И вот ряд Атаманов (ватажных) принимает решение — покинуть территорию Дона, но не подчиниться насилию Москвы. Атаманы — Ермак Тимофеевич, Андрей Нечай, Андрей Шадря уходят с своими ватагами вольных донских казаков на Волгу, где, пробыв некоторое время, расходятся в разные стороны — Ермак идет на Сибирь, Нечай на Яик и Шадря на Терек. Сообразно тому, что с'езжий Круг Донского Войска кончился великими „раздорами“ и городок, в коем происходил Круг, стал именоваться впредь „Раздорами“.

В приведенной легенде имеется безусловно много исторических погрешностей, именно: Название Раздоры никак не ведет свое начало от времени, когда казаки не ладили между собой в 1574 году и известная часть их отделилась от Войска. Прозвище Раздоры носит несомненно другой характер происхождения, хотя-бы потому, что по историческим документам, относящимся к середине XVI стол., видно, что на р. Волге близ Камышинки существовало т. н. Раздорское урочище. Не надо еще забывать, что на Дону существует две Раздорских станиц, одна на р. Дону, другая на р. Медведице.

Партии донских казаков под водительством ватажных Атаманов — Ермака Тимофеевича, Андрея Нечая, Андрея Шадря — действительно ушли с территории Дона (не желая подчиняться велениям Москвы), а именно в одном общем направлении — на Волгу... И толь-

⁴⁾ Быкадоров, Денисов, Савельев и др.

⁵⁾ Рукописная История о Сибирской земле и о царствии.

⁶⁾ И. Быкадоров. „Происхождение казачьих фамилий“ № № 38 и 39 жур. „Вольное Казачество“, 1929 г.

⁷⁾ И. Быкадоров. „Происхождение казачьих фамилий“ № № 38 и 39 жур. „Вольное Казачество“, 1929 г.

ко уже отсюда, с Волги, в последовательном порядке ушли: в 1576 году Ермак с своими казаками на северо-восток в Пермский Край, в период 1581-1583 г.г. Андрей Щадра на Терек, и приблизительно в то же время (1581-1583 г.г.) Андрей Нечай на Яик.

Мы, категорически опровергаем происхождение наименования одного из самых старейших казачьих городков на Дону — „Раздорский“ от слова „раздоры“ (в буквальном смысле) и склоняемся к тому, что утверждение о том, что прозвище „раздоры“ занесено новгородцами, бежавшими на Дон после гибели Новгорода Великого и осевшими по течению р. Дона (среднего), является наиболее вероятным.

Время появления Ермака на р. Волге относится к 1574 году, время ухода с Волги на север в осень 1576 года. Что делал Ермак на Волге в этот промежуток времени?.. „Разбойничал“, был на царской службе по охране торговых караванов, ходивших по р. Волге, входили в состав Волжского войска!..

Точная дата образования Волжского войска абсолютно неизвестна, можно лишь сказать, что в момент появления Ермака на р. Волге, здесь уже не только существовала Поволжская вольница, но и эпически бытовое Волжское вольное казачье войско. И если оно войско было прикреплено к земле и в силу этого вынуждено было до известной степени считаться с интересами граничивших соседей, как-то: Донское войско, Яицкое войско, Астраханское Царство, Московское Царство и т. д., то этого никак нельзя оговорить в отношении Поволжской вольницы, которая составлялась, главным образом, за счет казаков приходящих с Дона, Гребни, Терека, Яика, „погулять“ на р. Волгу, погромить торговые караваны, доразведать о „зипунах“, а то подняться или спуститься по р. Волге, дабы „трихнуть“ соседними царствами. Местами концентрации Поволжской казачьей вольницы являлись как Жегулены горы у Самарской луки, так и берега р. Волги, прилежащие к Каспийскому морю.

В период 1558-1582 г.г. в войнах Московского Государства с орденом Ливонских рыцарей, принимали участие и казаки; в частности на р. Волге отряды Поволжской казачьей вольницы были привлечены к участию в „судовой рати“ по охране тыла. Имеются исторические данные о том, что „отряд вольных казаков — донских и волжских, под предводительством Атаманов: Ивана Кольцо, Богдана Барбош, Никиты Пана, Мещеряка, Савелия Болдыря и Ивана П... (имени Ермака Тимофеевича среди них нет), обслуживал и охранял переправу через р. Волгу выше переволки, — путь

из Московского Государства в Большой Ногай в г. Астрахань.“)

Итак — Атаманы Иван Кольцо, Никита Пан, Василий Мещеряк, будущие сподвижники Ермака по Сибирским походам, в период 1574-1577 г.г. находились на р. Волге в качестве т. н. охранной „судовой рати“. Где же был Ермак?

Выясняя вопрос о пребывании и деятельности Ермака на р. Волге в период 1574--1577 г.г., останавливаем внимание на трех основных моментах, именно: 1. Атаманы — Иван Кольцо, Богдан Барбош, Никита Пан и др. действовали по р. Волге, начиная от Волго-Донской переволки и выше, местом их концентрации являлась Самарская лука; 2. Атаманы Ермак Тимофеевич, Андрей Нечай, Андрей Щадра, Яков Михайлов — действуют по р. Волге, примерно от нынешнего г. Царицына до г. Енотаевска; 3. Стремясь парализовать деятельность Поволжской вольницы на р. Волге, Московское государство возводит целый ряд укрепленных городков — Саратов, Царицын и т. д. (1581—1589 г.г.) для обеспечения пути по р. Волге.

Усиление деятельности „воровского“ Казачества каковым в глазах Моск. царей являлась Поволжская вольница, вызывает со стороны Москвы досылку на р. Волгу больших отрядов войск. Оное обстоятельство имеет своим непосредственным следствием то, что на р. Волге собирается Круг Поволжской казачьей вольницы, перед которой Атаманами и выносятся на разрешение вопрос: что делать, что предпринимать? Драться ли с Московскими войсками, оставаться ли на Волге, уходить ли куда?.. Круг составленный из Донских, Волжских, Яицких и Гребенских казаков (повествует былина-сказ о Ермаке) принимает решение „идти завоевывать Сибирь“ и выбирает своим вождем Атамана Ермака. Большая часть Поволжской казачьей вольницы подчиняется решению Круга покидает р. Волгу и идет во главе с Ермаком в Пермский край (на Сибирь), меньшая же часть продолжает некоторое время еще оставаться на р. Волге, но только до известного периода времени. В 1581 г. остатки Поволжской казачьей вольницы во главе с Атаманом Андреем Нечаем вновь громят Сарайчик и уже на сей раз окончательно угневаются в нем. Необходимо указать, что некоторую часть Поволжской казачьей вольницы увел с собой на Терек и Атаман Андрей Щадра.

(Окончание следует).

*) И. Быкадоров — „История Казачества“ т. I. стр. 140 (первоисточник — „Дела Ногайские“ кн. 2-ая) из Московского Архива Иностранных Дел. (Посольский Приказ).

В. П. Елисеев (В. Петров).

Кто виноват?

(Продолжение).

Когда станица убедилась, что красные, оставив ее, ушли, тогда все уцелевшее население, впервые свободное вздохнув в этот день после месячного пребывания в ней большевиков, радостно устремилось к станичному правлению навстречу своим дедам, отцам, братьям и дедам...

Бежала к станичному правлению изнуренная и истрадавшаяся по своему сыну мать; бежал туда и глубокий дед, в надежде увидеть своего внука — избавителя; бежали туда и маленькие дети, соскучившиеся по своим отцам и братьям. Бежали к станичному правлению и вылезавшие из садов и озер прятавшиеся там от красных казаки. Все бежали туда, надеясь увидеть или сына, или внука, или отца, или друга. В станицу вместе с беженцами, во главе с станичным атаманом вошло станичное правление — станичная администрация. Воинским частям заходить было некогда. Они форсировали Дон, поспешая к окружной станице, где должна была состояться переправа отступающих большевиков. Мало, конечно, кто нашел среди беженцев и станичной власти своих родных или знакомых, ибо все

они пошли дальше, не заходя в станицу, но и то — столько тут было радости и ликования... Каждый почувствовал себя дома, у каждого оторвалась от сердца та проклятая пивка, которая по сей день так больно высасывала и кровь, и силу, и надежду человека. Каждый увидел светлый, веселый день станицы... И каждый был на него смотрел и им бы любовался до самых тех пор, пока бы этот теплый и светлый круг солнца не скрылся бы вон там, за тем высоким лесом, в этой теперь тоже ожившей и радовавшейся лесной чаще...

Каждый бы... если бы не свершилось то „страшное дело“, испугавшись которого, казаки и поскакали, куда кто попало...

Как допустил Бог это очередное „страшное дело“?.. Приходится только руками разводиться... Но „дело“, действительно, „страшное“. И „дело“ это, во всяком случае, не Божеское...

Станичный атаман среди бела дня и на глазах всех собственноручно расстрелял урядника — гвардейца Авдолова Александра. Поставил его во дворе станичного правления к амбару и выпустил в него весь сарабанибул...

— Да, за что же? — в сотый раз вопрошали слушающие прискакавших.

— За то, что оставался у красных, был неизменный ответ последних.

— Да как же бы он ушел с своими, если он был при смерти?

— Ну, вот пойдите и поговорите с ним, — говорили присутствовавшие при расстреле Александра Авилова. — Говорили ему, атаману, пытались его ублажить старики, а он, как бешенный, как кто ему подделал. Зарубил свое и баста. Большевик ты, говорит. Я тебя расстреляю, как собаку. И что вы думаете? Поставил его к амбарной сгемке и трах-трах-трах... Авилон, как не стоял — со всех ног... На людей от страха нашел столбняк. Все, окаменев, стояли, молча. Кто-то, правда, осмелился было заговорить, а он к нему. Что?.. Защищаешь большевиков? И ты большевик? Перестреляю всех, кто оставался... Ну, известно, с одной стороны страх, а с другой, ведь, власть. Прикрикнул и все, поджав боязливо плечи, молча, пошагали от правления. Помирать-то никому не хочется. Да ишо так позорно. Вот вам и встретили своих...

— Может быть, он был комиссаром? спросил Иван дрожащим голосом, чувствуя, что охвативший все его тело холод вот вот подкосит его ноги.

— Каким там комиссаром? Станица, правда, хотела, когда он оздоровел, поставить его комиссаром, да он отказался. За это ему чуть не улетело от красных, когда они узнали, что он не принял комиссарство. Признали, что „не разделяет их идей“. Насилу отвертелся...

— Ну, тогда за что же? Неужели только за то, что оставался? — допытывался Иван, боясь сам себя и своих слов.

— Говорим же вам только за то, что оставался... А ему, бедняку, тогда было все равно, что красные, что белые — лежал без памяти...

У Ивана стали дыбом волосы, а заморгавшие глаза наполнились слезами. Обильными горючими слезами...

Страшная жуть охватила Ивана. Такая жуть охватила Ивана, что даже белый свет помутился в его глазах. Что предстоило делать Ивану? Куда деваться? Прямо, хоть поднимайся да лети на небо. Нет, ведь, места ему на земле... Нет... И вот почему... Ведь, мое дело, думал Иван, еще щепетильней. Смотри, как кто-нибудь возьмет да и скажет, что я остался не больным, а совершенно здоровым. И самое главное — с намерением. И тогда что? — Одно только слово и я погиб. Авилон да погиб, а я тем более...

— Порасстреляю, говорит, всех, кто оставался, — резали голову Ивана слова атамана. — И порасстреляет... Что же мне теперь делать? Что?..

Посмотрел Иван кругом — все безнадежно смотрит в землю и молчат. Молчит и Петрович. Не находит и он, старик, что говорить, что посоветовать, чем помочь казацкому горю. Факт расстрела атаманом известного всей станицы гвардейца Авилова на лицо, и под его придавленным свежим впечатлением советовать, утешать, обнадеживать чем-то казаков у Петровича не хватало ни духа, ни сил, ни смелости, и он, дабы прервать тяжелое, давившее всех своим гнетом молчание, только и смог сказать.

— Подождем, ребятушки, до утра. Утро вечера мудренее. Вечерейте да на покой. А завтра на свежую голову Бог даст все решится само собой...

Бог знает, сколько бы стояли во дворе, устремив свой взор в землю, молча, казаки. Бог знает, до каких бы пор они думали... Правда, Петрович не разрешил мучившего всех острого вопроса „что делать?“ но зато он помог казакам сдвинуться с места и за предложенную Петровичем вечером все ухватились с радостью.

Пожинав, казаки пошли спать к коням. „На свежий воздух“, как они сказали. А беспокойный Петрович, прислушиваясь к каждому малейшему на дворе шороху, молил всю ночь Бога, чтобы в хутор откуда-либо пришла воинская часть. Он думал, что воинская часть, не будучи такой придирчивой, как станичная администрация, не посчитает этих несчастных за „красных“, и они, влившись в нее, будут спасены и от расправ тыловых администраций (станичных и хуторских)

и, самое главное (чего особенно боялся Петрович!), от „карательных отрядов“...

— Господи! Сохрани и спаси их, — то и дело шептал старик в ночной тишине, отгоняя от себя нагоняющую на него нечистым духом страшную думу. Думу, которая не давала ему спать; которая не раз поднимала его с постели и заставляла, прижав к холодному кружку окна, зорко всматриваться в тот темный сарай, под которым спали они — казаки...

— Сохрани и спаси их, Господи! — повторял старик, крестя через окно и двор и сарай...

Нередко после молитвы Петровича охватывала такая досада и такая боль, что он, нервничая, стучался головой о стену...

— Что это он наделал? — Задавал сам себе тогда Петрович вопрос за вопросом, всматриваясь в темную жуть ночи.

— Как он на это решился?.. Сам, среди бела дня и на глазах всех... Господи, Господи!.. Что же тогда ожидать от „карательных отрядов“, когда сам атаман расстр?..

Кстати, насчет „карательных отрядов“...

Если уж станичные и хуторские власти были зачастую несговорчивы с населением; если уж они, не разбираясь в причинах, заставлявших казаков служить красным (особенно во времена оккупации последними казачьих станиц), своими опрометчивыми решениями принесли немало горя станицам и хуторам, то „карательные отряды“ были полнейшее беззаконие, полнейший бич казачьего населения — настоящая опричина.

Не только трудно, а, прямо-таки, невозможно было реабилитировать себя в глазах этих „отрядов“.

Эти „отряды“ не думали, не жалели, не судили и не миловали. Они делали только единственное — карали. Единственное назначение их было — карать. Это был тот страшный бич, от которого и виновные, и не виновные, и живые, и мертвые бежали в страхе, не зная сами, куда бежать, но лишь бы бежать. И благодаря этому бичу все вышеупомянутые попадали „из огня да в полымя“. Эти „карательные отряды“ (придуманное каким-то умником) немало казаков поделали „красными“. Эти „карательные отряды“ — „белая опричина“...

Кто не знает, что если какому-либо несчастному выпадало на горькую долю быть станичным или хуторским комиссаром, то никакие ни уверения, ни просьбы, ни моления станицы или хутора (а эти станицы или хутора сами же просили его быть комиссаром) не помогали спасти этого „комиссара“ от этих злопыхатных „карательных отрядов“.

Врываясь в станицу или хутор, „карательные отряды“ первым своим долгом искали „комиссара“. И станица или хутор еще не успевали узнать о приходе „своих“, как „комиссар“ уже был на „том свете“. Удивляясь и ругаясь, хутор после этого только разводил руками (другого ему ничего не оставалось делать), но оживить хуторца, которого он сам же зачастую молил, стоя на коленях, стать над ним комиссаром, (из-за боязни, чтобы красные не поставили своего комиссара), при всем своем горе и желании в состоянии не был.

А „карательный отряд“ над этим и не задумывался. Сделав беззаконие, он храбро и довольно уходил из хутора, ища новых расправ над замученным населением...

Вот потому-то в каждом хуторе или станице и можно было услышать такие разговоры, что вот, мол, Иван или Петро и остались бы и хотели бы остаться, плакали даже, но все же ушли с красными — боялись, что расстреляют свои...

Ну, а как такое дело, как сегодняшнее, так и сомневалось было нечего... Придут там далее „карательные отряды“ или не придут, а расправа с урядником Авилоним уже произошла. Видели все. Да еще кем? Самим атаманом станицы. Расправа, которая загонит видевших ее не только к красным, а к самому чорту в зубы...

Этого-то Петрович и боялся, то и дело бросаюсь к окну...

Проснувшись рано утром и выйдя во двор, Петрович не нашел ни коней, ни казаков. Сарай был пуст. Казаки усаkali... Куда?.. Почему?..

И Петрович, печально опустив свою седую голову и еще больше сторбившись, одиноко стоя под сараем, больно смотрел, сквозь душившие его слезы, на еще свежее-дымившийся под его ногами лошадиный помет...

Был август 1919 года. К этому времени я, отвоёванный, служил в управлении окружного атамана своего округа.

Однажды, просматривая станичные списки препровождаемых в распоряжение окружного атамана казаков, согласно известного Дону приказа № 840*) (и особенно интересуясь списками своей станицы), я в числе препровождаемых станичников увидел одну фамилию...

Таковую фамилию, от которой у меня оборвалось что-то под сердцем, закружилось в голове и мне, потерявшему под ногами устойчивость, представилось, что я и все строевое отделение, вместе с делами, столами, стульями и писарями, раскачиваясь из стороны в сторону, летим, ничем не задерживаясь, в какую-то развертывающуюся перед нами, зияющую своей колодезной темнотой, бездонную пропасть. Фамилия эта была: „Федор Чириков“. В рубрике „сколько лет“ стояло: „12“. А в отметке „за кого препровождается“ было отмечено: „за брата“...

Несмотря на то, что во всех списках в рубрике „сколько лет“ значились исключительно дети и старики (10-12-14-60-70-80 лет); несмотря на то, что я этих „препровождаемых“, боязливо жавшихся у стен наводившего на них страх и ужас управления окружного атамана, уже, проходя, видел, — я все же тогда не почувствовал всей той жестокости и всего трагизма этого приказа, как почувствовал его тогда, когда увидел эти, так мне известные и близкие, имя и фамилию, так тщательно и мастерски выведенные круглым, писарским почерком на белом листе бумаги...

— Федор Чириков... Он... думал я, вперив глаза в круглые буквы станичной бумаги. 12 лет... за брата...

Бедный брат и бедный Федор Чириков!.. А главное, думал я, не отрывая глаз от круглых букв, главное, Федор... Какой же с него Федор? С ребенка?.. И написали бы его собственное имя. Соответствующее его возрасту и тому, как называют его в хуторе: Федюшка... Нет же — Федор да еще и Чириков... Как взрослый... „Препровождается“ „Федор Чириков“... „За брата“... Боже, Боже Праведный!.. И я, не удержавшись, спустился вниз, к „препровождаемым“...

„Препровождаемые“ имели вид совсем не воинский. Старики, одни, повернувшись лицом на восток, стояли в утренней молитве, шепча благоговейно святыне ее слова; другие, сидя, свесив с drog ноги, тихо о чем-то разговаривали, а третьи или спали или, закрыв глаза, притворялись, что спят, а сами, молча, думали.

Дети — как дети — прыгали по подводам, играя в „кулички“ — в прятки...

Увидев меня, Федюшка — как мне показалось — чего-то ни то застеснялся, ни то, вовсе, застыдился. Кто знает, быть может, он уже мог стыдиться — чувствовать стыд своей „препровождаемости“ — опалы за брата, ибо, когда я подходил к нему, то он, бросив играть со своими сверстниками, в нерешительности стал зачем-то топтаться на одном месте и старался не замечать моего приближения. Чувствовать чувствовал, что я подхожу, но смотреть на меня не смотрел...

— Федюшка! Да это ты? сказал я, стараясь быть как можно ласковее.

Поверну ко мне свое маленькое личико, Федюшка заморгал глазенками и хотел было улыбнуться, но не улынулся... Я видел, что глазенки Федюшки не знали, что выражать. Не то радость, не то просьбу — заступ-

ничество за себя, не то извинение, не то стыдливость, не то даже боязнь...

— За братушу взяла, — выдал он, наконец, с большим трудом из своей детской груди... Сказал и заплакал.

— Так, говоришь, сестрица не верит, что Иван ушел к красным? — спросил я Федюшку после того, как он, переплавав, пересказал мне, что знал, о хуторе и о своем доме...

— Нет. Не верит. Говорит, что братуша ее не мог обмануть. Он, когда уходил к красным на комиссию, сказал ясно: „Жди меня домой с 76 полком“. И сестрица ему верит...

— А сестрица тоже такая плакса, как ты? — спросил я Федюшку.

— Сестрица? Она ревет целый день. Забьется под сарай или в половник и причитывает там, пока я ее не вытащу оттуда. Целые дни плачет по братуше, как по покойнику. Начала уже заговариваться, — и Федюшка, о чем то задумавшись, замолчал. Я тоже молчал. Смотрел на Федюшку и молчал...

После некоторого молчания он заговорил снова.

— А раз, на днях, сестрица так плакала, что ее насилу отпечальвали... — Тетка Дохниха назвала ее большевичкою... Дохнихина свинья залезла к нам в „бакшонку“ и покопала нам картошку. Сестрица стала говорить Дохнихе, чтоб она набила свинье колодку или засадила свинью в свиношник. А тетка Дохниха ей на всю улицу: „Ты то, большевичка, уж молчи. Не очень то репешься. Не вставляй нам законы. Наши мужья кровь проливают, а ты, небось, молишь Бога, чтобы пришли большевики, а с ними и твой Ваничка... красный“... Бабы сначала хохотали, а когда увидели, что сестрица забилась в обмороке, испугались и кинулись ее отливать водой... И Федюшка опять заплакал. Заплакал так, как плачут у гроба своей матери двенадцатилетние дети...

Я нуждался в одиночестве, наслушавшись от Федюшки больше, чем думал наслушаться. Мне было тяжело. Я чувствовал, что если еще побуду с Федюшкой, то не удержусь, заплачу сам.

Перед тем, как мне уходить, Федюшка, порывшись в дрогах, протянул мне письмо.

— От Василия Петровича, сказал он, подавая письмо.

Писал Василий Петрович — хуторской атаман. Просил и умолял меня, чтобы я „пожалел ребенка“. Чтобы я „посодействовал“ всем, чем только смогу освобождению Федюшки „от службы“. Писал, чтобы я перед кем нужно мотивировал не тем, что „препровождаемый ребенок“, а тем, что Чириков двор развалится, опустеет, ибо оставшаяся дома единственная жена Ивана — „подозрительно больная“, и хутор боится, как бы с Чириковым двором не случилось „какого греха“. Федюшка, если не был работником, то все же в доме была „лишняя душа“...

Писал, конечно, неофициально, но писал горькую правду...

Но, что я мог поделать с официальным приказом № 840? — Домоклов меч — меч! А для меня — два меча!.. Я хорошо понимал своего хуторского атамана, но также не плохо понимал и приказ № 840. Я знал, что этот приказ есть результат запутанности, задержанности измученной казачьей души. Что этот приказ — нервный, больной „продукт“ терпящего под собою почву метавшегося в своей предсмертной агонии „закочавшегося Дона“... Я в это время Дон представлял, действительно, „закочавшимся“, не находящим для себя своего „собственного груза — своей „политической чашки“ на „русских весах“...

В моем хуторе мне пришлось быть вначале сентября того же 19 года. Еще только подъезжая к хутору, я уже стал нервничать и чего-то как бы бояться... Я вспомнил про Чириков двор...

— А что если он, в самом деле, „развалился“ — опустел? — думал я, жадно вперив глаза в замеченный мной еще издали деревянный, с красной крышей Чириков дом. И чем ни ближе подъезжал, тем больше сжималось сердце...

Чириков двор был, действительно, пуст. Не видно было в нем ни души. Стоял без всяких признаков жиз-

*) Согласно этого приказа, взамен служившего у большевиков члена семьи, в противобольшевическую армию брался имеющийся на лицо свободный, неслуживший член семьи, не считаясь с его возрастом. А так как „свободных“ — неслуживших тогда не было, то тяжесть этого приказа всецело ложилась на детей и глубоких стариков.

ни. Как гроб. А на дверях куреня висел большой черный замок. От этого замка меня охватил мороз, и мне в моем же родном хуторе сделалось и холодно, и жутко. И очень, очень тяжело...

Оказалось, что того „греха“, о котором меня предупреждал хуторской атаман, Чириков двор, действительно, не избежал, не уберется от него. И верно... Это счастье редко и неуловимо. Оно бродит от нас где-то далеко. Счастье ищут да легко не находят, а грех всегда возле нас, всегда он тут, как тут — сам, непрошенный, приходит...

Покутя последнее время была особенно грустная, задумчивая и молчаливая. Всех избегала и часто ее находили забывшуюся или в курень или в какой-либо темный кут плачущую. Забьется и причитывает, разговаривая сама с собой. Пробывали было бабы Покутю отговорить, чтоб она уж так даже не убивалась; что Иван не покойник же, что она уж так крепко его оплакивает; поили даже ее „наговорной водой“, но ничего не помогло...

— Сердца маво вам, бабы, не вылечить и не ублажить, — твердила Покутя неизменно. — Да и нет такого лекарства на всем белом свете...

— Хотя ради ребенка, побереги себя, — урезонивали бабы Покутю. — Ведь ты же „ходишь на днях“... А Покуте и этот резон, хоть бы что. Уставит свои мутные, блуждающие глаза в одну точку и молчит...

В один воскресный день, уже после того, как пришли из церкви и пообедали, соседи, всегда подозрительные к Покуте, заметили, что с самого утра Покутю никто не видал. Обыкновенно, Покутя всегда спозаранку копошится во дворе — работает или плачет — все равно. Но встает всегда рано. — Не спится мне, — как она говорила. А сегодня и во дворе ее никто не видел и в церкви не была. Посмотрели боязливо друг на друга соседи и кинулись в Чириков двор — на поиски. Прислушались к куреню, тихо — не плачет и не разговаривает. Вошли в курень — нет. Туда-сюда — нет. Во двор — по конюшням, сараям и катухам... И, наконец, нашли. В курнике... Полувисячую, с страшным искаженным и посиневшим лицом; с выкатившимися из орбит открытыми ледяными глазами; с крепко до крови, стиснутыми зубами и с сгустившейся на губах, на подобие плевка, застывшей холодной пеной — слюной. „Грех“ совершился...

... Федюшку продержав некоторое время в распо-

ряжении эвакопункта окружного атамана, отпустили, и он пришел домой. Но жить дома не жил — боялся, и его забрали к себе родственники. Так опустел — „развалился“ Чириков двор, оставшись без единой человеческой души...

Глядя на угрюмый, мертвый Чириков двор и слушающая всхлипывающее повествование моей матери, я думал о тех сверхчеловеческих муках и о той страшной трагедии, которую было суждено пережить этому, прекратившему свою жизнь, двору и его обитателям...

Этот двор теперь был страшен всему хутору. Висячий на дверях, с забытыми ставнями, куреня замок и наглухо закованные железными обручами большие и маленькие двери двора, наводили страх и ужас на весь хутор. Кто проходил мимо Чирикова двора, тот на него не поднимал глаз, а, или от него отворачивался или, опустив низко голову, спешил скорей его пробежать. Чириков двор теперь, как бы подрезывал у людей легкие, их душило, когда они смотрели на него, потому они и отворачивались...

А раньше, бывало, на Чириковой „лавочке“ собиралась „улица“ и сидел „корогод“ баб. Раньше Чириков двор был самое веселое место в хуторе. А теперь, вот, к Чирикову двору никого не затынешь...

Теперь, видно, не только люди, а даже высокие чириковские „белолистки“, известные на весь хутор своей величественностью и стройностью, и те чувствуют себя не так, как чувствовали раньше. Несмотря на то, что все деревья хутора еще и не думали об осени, еще стояли зелеными, как весной, Чириковы „белолистки“ — одне, почему-то уже почуяв осень, осыпались и стояли оголенными — без единого на них листа. И летом, когда все жило и жить хотело, они казались не только преждевременно отжившими, но и совершенно потерявшими силу жизни. Были, как бы засохшие на корне — сушняк. Или, быть может, оне, чувствуя чириковское горе, осыпались, засохли умышленно? Быть может, просто им, оставшимся однем во дворе, жить не хотелось?.. Им, деревьям...

Я думал о трагедии Чирикова двора... Я думал... Кто в ней, в этой трагедии, виноват?.. Хоперец ли, убивший отца Ивана? Станичный ли атаман, убивший Александра Авилова? Или сам Иван, вздумавший мстить за смерть своего отца?.. Или ни один, ни другой, ни третий?..

(Окончание следует).

Вл. Куртин.

Пластуны.

(Клочки воспоминаний).

(Продолжение).

„На высотах было
Саганлукских...“

История повторяется. По следам крови дідов идут унуки. По унукам можно судить о давно умерших дідях. Историей утвержденное лицо дідов выявляют внуки. Расовые признаки нелегко затереть. История поставила внуков в условия времен их дідов, а внуки оказались — дідами...

Караурган, Меджин-Герт, Зивин, Хасан-Кала... страшные этапы смерти для турок и тяжелый экзамен унукам, который они и выдержали с честью. —

Зима все жестче. От козачої зброї — животрепещущие лохмотья. Кухни с борщом — в чертах на куличках. А бои — и днем и ночью. Правда на этот раз уж „отдыхательно-наступательные.“

Пластун этого периода уж не унук из Душета, Лагодсков или Елисаветполя, а справжній пластун, що як і дід „зачавка, як лисиця, зачмаши, як кабан... завие вовком“... Приспособились и к горам, и к лесам, и к снегам и — к ночевкам в саклях попережку с пленными аскерами. Или, вернее, не приспособились, а вспомнили, выявили старое дедовское и прадедовское:

„Душа дедов всегда всплывает на поверхность, когда для народа наступают критические часы и с этим должны считаться те, кто пробует отнять у народа его природное право на свободу и развитие.“*)

Первое его положение пластуны доказали, как и все казачество. Доказали и справедливость вывода (заключения). И только те, кто не желает видеть, не видят в казачестве Вольное Казачество, имеющее природное право на независимость, свободу и свободное развитие.

Наступление приказано остановить. Непроходимыми тропами разбрелись отдельными батальонами и закупорили все проходы и подходы к границе Российской Империи.

Сидим в „волчьих ямах“, а на высоты заставы составляем. Границу оберегаем от всяких сюрпризов, вроде рейда Энвер-Паши, когда мы на Эрзерум направлении держали, а он на Тифлис...

К царю в Меджин-Герт на смотр „кавалеров“ новых снаряжаем. Ломают головы сотенные со взводными: — Хоменка бы к первому представить...

*) Ле Бон: Психология новых времен.

- Так він же зовсім босий!..
- Ну, Пахомова...
- А он в курдинской бабьей кофте!..
- Тогда Хитя...
- А в нього штанів чорт ма...

Турки пострадали жестоко. Их отступление от Сагаркамьши оказалось повторением отступления Великой Армии Наполеона из Москвы. А к снегам и метелям „Саганлукским“ были так же „приспособлены“, как и сардинцы к снежным полям России.

В один поздний зимний вечер, когда ветер бросал в нас тучами снега, моментально сглаживая следы „пропластавших“ пластунов, мы спустились в глубокую воронкообразную котловину селения Хадик на отдых. Селение небольшое, всего 3—4 десятка приравленных снегом сакель. Входим в одно довольно просторное „помещение“ — ужасающий трупный запах заставил нас, зажав носы, выскочить наружу. Входим в другое — тоже самое. Обошли десяток хат — всюду нас встречает убийственная вонь разлагающихся трупов. А ночевать-то где-нибудь надо?.. Да еще во время отдыха!.. Идем опять в первый дом. Электрическим фонарем осветили внутренность помещения: здесь в самых невероятных позах лежало до 30 аскер. Но не все были мертвые, — на свет фонаря показались стоны, невнятные бормотанье... Посредине помещения — очаг, а на нем, на груде угасшего пепла, остатки туши буйвола с вывалившимися внутренностями. А около этой зловонной туши — аскер, вцепившийся зубами в мясо да так и застывший. Около него лежит другой аскер с ногами на пепле, с запрокинутой головой, оскаленными зубами...

Пораженные страшной картиной, стоим...

— Кто здесь? Слышим вдруг из груды тел. А от этого вопроса на чистом русском языке у вошедших мороз пробежал по коже... Направили фонарь в сторону, откуда услышали вопрос.

— Уже и сюда казаки забрались? Теперь видим, что это говорит чернобородый турок. Руки его заматы каким-то невероятным тряпьем...

— Что с вами?

— А посмотрите...

Турок протянул руки, пальцы которых представляли клочки черного зловонного мяса.

— Таких, как я, тысячи разбросал Энвер по горам...

Турок (новороссийский пекарь) не преувеличивал: на таких замерзших и полумерзших наталкивались мы на каждом шагу.

О, высоты Саганлукские, кто вас усеял мертвыми аскерами?...

Мороз и пластуны. Пластуны и мороз.

Недолго простояли мы в снегах Зивина. Нас оттащили на отдых и пополнение в снега Карса. Вольготнее расположились в молотанских селах и живем припеваючи. Ожидаем, когда растает снег, чтобы по зеленой травке опять на Эрзерум пластовать. А пластуны все:

— Никак нет. На теплое море нам дорога.

И вышло по ихнему: очутились в Батуме. Теплое море, теплые квартиры... Нужно-же и тыловой жизни отведать!..

Но, непосядяча козача доля: Проехали родную Кубань, поели пышек и бурсачков, помяли бока казачкам, — до Ростова и очутились в Севастополе.

Сидим в палатках. Ожидаем, когда англичане Дар-

данеллы пробьют, чтобы в Царегороде караульную службу у Ильдиз-Киоска нести. Гарнизонный устав в памяти возобновляем. А пластуны опять:

— Никак нет. На Галицию нам путь.

Сам царь приехал. Посмотрел пластунов. В кругу их сняться пожелал.

Видно было — расстроен царь...

— Желая вам благополучно море переплыть... А на суше я за вас спокоен...

Уехал царь. А на другой день и пластуны плясали по станциям неньки Украины, направляясь в Галицию.

Сплошной праздник. Разгул. На каждой станции толпы дівчат в белоснежных сорочках, молодых в кокетливых расшитых хустках. Толпы дідов и бабусь со всевозможной снєдью и „спотыкачем“ домашнего изготовления...

Гремят песни. Плачут гармошки. Бренчат бубны... Пластуны, опьяненные словно, поцелуями дівчат, песнями, слезами, криками „ура“ и — „спотыкачем“, — кружатся, вьются, временами будто летят... „выделявая“ все новые и новые „фигуры“ и „пá“ — гопака и лезгинок... на крышах вагонов идущего полным ходом поезда...

Садона Виния. На западе тяжелый гул орудий. На станции пришибленные офицеры и солдаты русской вармii... Обступили пластунов и смотрят на них с каким-то тоскливым любопытством.

— А что они (пластуны) христиане? Спрашивает какой-то подпоручик.

— А почему вы думаете, что они нехристи?

— Уж больно не похожи на наших... не то с завистью, не то с плохо скрытым недоброжелательством процедил подпоручик.

Вытянувшись сотня на дорогу. На западе зарево пожара. На западе тяжелый гул канонады...

— Ой гук, мати, гук!..

Как один человек вздохнула сотня и под эту несколько минорную в историческом смысле и по мелодии песню, пластуны зашагали навстречу новой войне, навстречу новому противнику — немцу...

Ну-ж был денек!

Редкий лес. Зыбкий песок. Жужжанье, свист и чмоканье миллионов пуль и катастрофические разрывы „чемоданов“... Вздыхают вулканы огня, стали, песка, раздерганных дубов и бука... Фейерверками падают звенящие, фырчащие осколки... Летят от ствола к стволу, сносят кроны, обугливают, сжигают... Черный дым смешался с сиво-желтыми реками отравных газов... А в том дыму, через кратеры вулканов, меж лижущими языками пламени, со штыками на перевес — бегут навстречу смерти пластуны...

Немного дорвались и до окопов. А оцепеневшие от чуда баварские гвардейцы, сдаваясь толпами — одиночным пластунам, как загипнотизированные, смотрят на этих людей в „Langharigen Peltz Mitzten...“

— Нас сковал ужас... так страшно было смотреть, как вас уничтожает наш огонь... А как-же вы?..

Нашему красавцу знаменщику осколок гранаты разбил ногу. Уткнулся Петренко где-то под срушенным дубом. Искали, искали — не нашли. Но — через 3—4 месяца он сам нас нашел: подлечился в немецких госпиталях и — деру...

— Петренко, — ну, как в плену?

— Скучно... Козаків нема — сама крупа...

Русские о русских.

„В русской деревне нам жить нельзя, из нее надо бежать без оглядки“ (Ив. Бунин). „Русская деревня — разбойничье гнездо“ (Родионов: „Наше преступление“. М. Горький... признался, что в книге Родионова описаны нравы подпетербургских деревень и описаны верно...).

„Русский мужик темен до дикости, в нем, этом злоумышленнике — общественная опасность“ (А. Чехов).

„Русский мужик — форменный дегенерат“ (Муйжель).

Цитировано по брошюре прис. повер. А. Бабова: „Возродится Россия.“ Константинополь, 1924.

Как и почему нас вырвали из пекла немецкого и бросили в пекло австрийское — про то пусть штабные пишут. Сидим это мы в каком то полужидовском, полурусинском городишке, борщ варим, обедать собираемся. Вдруг — тревога. Подъем... Вперед!.. Из городка сразу в лес вошли. На ходу полусырой борщ из котелков едим. А на встречу нам мчатся двуколки, фургоны, зарядные ящики... Ездовые коней хлещут...

— Сторонись, станичники!.. Отступаем!.. Австрияк преть за нами!

По лесу, вправо и влево от шоссе, точно тысячи косяпаых медведей, ломая валежник, бегут солдаты „Лейб-беговой“ дивизии. Многие вынырнут из леса на шоссе, посмотрят на гомоящих, поющих пластунов, широко перекрестятся...

— Помогите вам Господи!..

И опять шмыгнут в лес. И опять трещит валежник...

Вышли на опушку. Здесь, прикрываясь за деревьями, стоят части „Дикой“ дивизии. Черкесы, увидев пластунов, смешались с ними, смеются, отыскивают кунаков:

— Айда, айда пошол... Мы поможем.

Вышли на большое картофельное поле. На зеленом поле картофеля ясно видны сивые мундиры наступающей австрийской пехоты. Мы быстро идем на них цепями повзводно. Наши пулеметчики уже посыпают австрийцев, те очевидно ожидали контр наступления, стали. Загрохотали батареи. Над нами лопаются, рвутся снаряды. Шрапнель, будто град, сыпется на зеленую ботву картофеля. Перед нашими цепями бегут туда сюда ошалелые зайцы. Пластуны с улюлюканьем и свистом гоняются за ними. И не заметили как пробежали поле. Опять редкий лес. Стреляли уже в спины и ранцы сивых мундиров. Прем, как на маневрах. Австрийцы откатываются с быстротой встреченной нами „Лейб-беговой“ дивизии.

Наступила ночь. Заморосил мелкий дождь. Связь между частями прервалась. Каждая сотня орудует сама по себе... Раскатили бурки, поднимаемся по пригорку... По кукурузе шелестит дождь, посвистывают пули... Направление держим на огни беспорядочно стреляющих по нас австрийцев. Вспышки огоньков и ракет все ближе и ближе...

Урра! Бешенно заорали пластуны и бросились на окопы. Передние со свистом и криком уже орудут штыками... Свист, торжествующие крики, гаканье, стоны, вопли... толпы обезумевших от страха австрийцев. С поднятыми вверх руками... Между ними — черные крылья бурок, черные космы папах и — штык из под крыльев...

Наспех отправляем пленных в штаб. А где он — чорт знает!..

Свернулись в цепь погуще. Залегли. Отдельные партии и одиночки пластунов пластуют по кукурузе. Приводят пленных...

Утром вошли в окопы, оставленные христоробиной дивизией.

Ведем ленивую перестрелку. Собственно „ленивы“ только мы и наши батареи в особенности. Австрийцы же долбят нас усердно гранатами. Около полудня видим — солдат идет по окопам, ищет что-то.

— Эй, земляк, что ищешь?

— Да вещевого мяшок тут остался.

— Как это!

— Да правду сказать, — не везет мне: Хороший вакант был в плен сдаться — ротный послал за патронами... а теперь не знаю ни где рота, ни где мешок и вакант пропустил, разводя руками, закончил солдат. А пластуны смеются и опять просят „земляка“ рассказать, как это он упустил „хороший вакант в плен сдаться“.

Одной из характернейших черт коллективной психики пластунов, присущей впрочем и всем казакам, является чувство братства. Не теоретического, абстрактного, а кровного, инстинктивного, заставлявшее их жертвовать собой и без приказа съехать, чтобы помочь братьям, облегчить их положение.

Обе пластунские бригады представляли единый живой организм. Одиннадцать баталионов — одиннадцать родных братьев крепко спаянных не только узами кровного родства, но и сознанием своей обособленности, своей исключительности в море русских солдат. Как раз в то время наш ген. Гулыга „обвинялся“ в „казакко“ и „черкеско-мании“, а он, сам казак, прекрасно знал дух и настроение пластунов и — и даже и в мелочах отделял и выделял казаков от окружающей их солдатской массы. Т. е. делал лишь то, что было в духе казака, что отвечало их настроению. Фаворизировал их „классовую“, по русским понятиям, гордость, считался с особенностями их коллективной психологии, смотрел „сквозь пальцы“ на некоторые их „выходки“, иначе наказуемые с точки зрения „Военно-полевых уставов.“

Между отдельными баталионами могли быть (и были) соревнования. Но — никогда зависти. А тем менее — злорадства. У пластунов отдельных баталионов никогда не было:

„Мы — тамбовские... это нас не касается...“

Если один баталион попадал в особенно тяжелые условия — казаки других баталионов просто не могли быть безучастными зрителями. Они не могли думать: Это нас не касается, ибо страдания, гибель других переживали острее, больнее, чем свои собственные.

В Галиции это было. Один из наступавших баталионов „зарвался“ и налетел на широкое поле проволоочных заграждений с волчьими ямами. Многие казаки с разбега вскопили на проволоку, перелетели несколько рядов, но — или подраненные пулеметным огнем, или просто потому, что не могли в один скак перепрыгнуть заграждение, остались на проволоке... Казакам соседнего баталиона, находящимся сзади и в право на пригорку, было прекрасно видно, как те, что залегли перед проволокой, проявляют поистине безумную храбрость пытаются спасти или по крайней мере облегчить страдания висящих на проволоке и истекающих кровью казаков... Одни, встав во весь рост, прикладами разбивали проволоку продираясь до братьев и, подкошенные огнем противника, падали и сами, другие забрасывали проволоку бурками и ползли по ним стягивая раненых под проволоку... Картина была страшная. Лица пластунов хмурились, почернели...

— Почему нам нет приказа? Братки погибают!.. Раздалось одновременно с нескольких мест.

Еще приказание!.. Айда, айда!.. И — как один человек высочили пластуны из окопов, под страшным артиллерийским и пулеметным огнем пролетели чистый как ладонь скат балки, будто грудьми, сразу прорвали задние ряды проволоки и — „высота“*) была взята.

Могила неизвестных героев.

В Галиции недалеко от Хрумовского оврага есть, как значится на военных картах, „высота с рошей“. На этой не высокой „высоте“ был когда-то сильно укрепленный австрийский „кольцевой окоп“, который в один недобрый час зачем то очень понадобился вр. и. д. баталионного есаулу Кублиеву. Оттанул он в резерв две сотни с всего баталиона, позвал к себе сотенных командиров:

— Вот ту „Высоту с рошей“ (показал на карте) нужно взять. Осмотрите хорошенько подступы, а с наступлением сумерок — атакуйте. Вас будут поддерживать шесть наших батарей!..

Целый день сотни предназначенные для атаки — „кубрили“. Фурса неуморно играл на гармонике, а фельдфебель Саморядов проделывал поистине чудеса со своим бубном: он — то высоко-высоко подбрасывал его вверх большим пальцем правой руки и опять подхватывал на тот-же палец, то, согнувшись, бросался им как мячом, по танцующим, — то как вьюном кружил им над головою... а бубен звенел, брэнчал, ляскал пластинками, рассыпался трелью бубенчиков и коло-

*) См. „В. К.“ 55. А. Гейман: „Пластуны в Вел. Войну.“

кольчиков... Большой виртуоз на бубне был фельдфебель Саморядов! Не даром же ему цирк в Севастополе engagement предлагали...

Как настоящий виртуоз играл в этот день фельдфебель Саморядов, но еще с большим чувством, с большей совершенностью плясал наурскую прaporeшник Артамошкин.

— Два раза в жизни человек так не пляшет...

— И не буду! Потому — еще этой ночью мне — конец!..

Не одного только прaporeшника Артамошкина дорога жизни уперлась в „Высоту с рошей“. Много, много веселых казачьих душ отлетело в эту ночь с „высоты“ к Всевышнему. А молодые, крепкие тела их остались на „высоте с рошей...“ Здесь, задолго до окончания „великой“ войны, без торжественных панихид, без венков и речей, воздвиглась высокая курган-могила — неизвестных героев. Братская могила пластунов 10 и 11 батальонов.

Наступление повела 4 сотня. Совершенно незаметно подползли пластуны к самым окопам. Вскочили. Гикнули. Засвистели. Ручными гранатами ошеломили противника, а штыками прикончили сопротивлявшихся... Принялись уже переправлять окоп, как — заговорили „шесть наших батарей...“ Целый ураган гранат обрушился вдруг на станичников. Будто кто кипятком муравейник полил — заметались пластуны, ища спасения от „помочи“... А ничего не знавшие об участии своего выдвинутого вперед „кольцевого“ окопа австрийцы, увидев „подготовку“, густыми цепями влились в окоп и — очутились носом к носу с пластунами. Мешкать было некогда: кинулись пластуны по роше вниз, а австрийские „дум-дум“ уже делают свое дело... Сотни ракег осветили высоту и рошу. Миллионы трескучих пуль будто искры гигантского пожара порхают в воздухе, а наши „шесть“ все гвоздят и гвоздят и высоту и подступы к ней, — плюс десятки разного калибра австрийских...

Вторая сотня кинулась на выручку четвертой. Быстро ликвидировали выдвинувшихся австрийцев. Ручными гранатами забросали стрелков и опять в окопах... Телефонисты связались с Кублиевым, сообщили о занятии „Высоты“:

— Закрепиться и ждать приказаний! О „победе“ телефон татакает в штаб. П. Демьяник приказывает:

— Развить успех.

Телефонограмма летит дальше. И перед носом есала Кублиева уже маячат двухполосые погоны „за храбрость...“ Как вдруг:

Ein, Zwei!.. Просвистело что-то... оглушительные взрывы гранат...

Хурра!..

Пластуны, большая часть которых „закреплялись“, лопатами отбивают штыковой удар, другие, выскочив из окопов, залегли под бруствером и в упор стреляют на вылетающих австрийцев...

Телефонисты по своей инициативе сообщили командиру:

„Наши опять выбиты!“

— Проклятие!.. Под суд командиров сотен... Взять опять во чтобы то ни стало!..

Еще три сотни посылает.

Прaporeшник Артамошкин заметил отходное движение австрийцев, кричит об этом командиру сотни на ухо... Вдруг — яркий свет, треск... Захрипел, застонал прaporeшник... свалился на сотенного... „Дум-дум“ угодила ему ровно в переносицу. Стащили его в „ход сообщения“ — дернулся раза два всем телом... застыл...

— „Потому — этой ночью мне — конец.“ Предчувствовал, бедняга.

Твердым шагом, под команду:

Раз! Два!.. Раз! Два!.. Сомкнись!.. Раз! два! подходит сотня 11-го батальона. —

Сомкнись! Раз! два!.. Раз! два!.. Сомкнись!.. Стой! Выделяется фигура:

— Господин сотник, в ваше распоряжение сотня...

— Хорошо, хорошо... Прикажете залечь и открыть огонь...

— Что?.. Никак нет!.. Черноморцы, равняйся!.. Вперед!..

Черным валом взметнулась на гребень сотня, пополняясь залегшими пластунами 10-го батальона... Опять свист, ура, гаканье, крики... Боевой прaporeшник вдруг схватился за ногу:

— Е... рівно в коліно!.. Черноморцы, держись!..

При свете разрывов видны ряды австрийской пехоты, как с широкими штыками на перевес, бегут на нас. Пластуны стреляют в них с быстротой пулеметов... А из лесу выплывают новые ряды...

И так, вышибая друг друга, прокружились на этой чортовой высоте всю ночь, а утром передали ее первой бригаде. А та, найдя, что „Высота“ эта нам совершенно не нужна, опять оставила ее австрийцам уже без всякого давления с их стороны...

На другой день заказали панихиду. Молились и, что греха таить, плакали по „на поле брани убиенным.“ А их оказалось не мало.

(Окончание следует).

И. Билый.

Не клеветите!

(Окончание).

В своей статье г-н Сулятицкий затронул действия и поведение Верховного Круга, его председателя г-на Тимошенко, кубанского правительства и кубанских казаков.

О Верховном Круге мы говорили уже в двух предыдущих номерах столько, сколько можно сказать в краткой журнальной статье, но совершенно достаточно для того, чтобы опровергнуть неправильные утверждения автора статьи „Від розгрому Ради до капітуляції кубанської армії“. Не будем совсем говорить о роли г-на Тимошенко, т. к. в оценке ее мы мало расходимся с г. Сулятицким. И. П. Тимошенко был и остался „конъюнктуристом“, — человеком действующим всегда в своих интересах согласно „обстановке сегодняшнего дня“. Одно только можем подчеркнуть: роль и влияние Тимошенко в действительности не были так значительны, как это хочет приписать ему г. Сулятицкий.

Дальше мы остановимся, снова таки вкратце, на роли в тогдашних событиях б. куб. Атамана ген. Букретева и его правительства (Иваниса). Эта роль была далеко большей и в том, что состоялось „формальное“ соглашение Верховного Круга с ген. Деникиным (как

это мы видели уже в прошлых номерах), и в том, что в наиболее ответственный и решительный момент Кубань не смогла организовать такого отпора красным завоевателям, на какой она тогда еще была в состоянии.

Перед тем мы бы считали не лишним сделать одну оговорку. Все мы, казаки политические деятели, были в то время (1917—1920 годы) в политическом отношении (в смысле опыта и практики особенно) довольно „молодыми“. Ясно, поэтому, что могли делать и ошибки. В интересах будущего, можно и следует говорить сейчас о таких ошибках, даже своих. В таком намерении, по нашему, гораздо больше гражданского мужества, чем в упрямом желании всегда считать себя „непогрешимым“. Если бы все наши общественные и политические деятели подошли к нашему прошлому с искренним намерением говорить правду, без ложного стыда или боязни говорить и о своих промахах и ошибках, то у нас было бы не только меньше споров в настоящем, но и гораздо больше пользы в будущем. Ведь наше недавнее прошлое — это теперь уже — хочешь не хочешь — хороший урок для всего нашего будущего. Надо только, чтобы он не пропал даром.

Переходя непосредственно к роли и значению в событиях первой половины 1920 года ген. Букретова и пр-ва г. Иваниса, с одной стороны, и населения Кубани — кубанских казаков в первую голову — с другой, — заранее предупреждаем, что оставляем за собою право вернуться к более подробному освещению этого вопроса после окончания печатания в „К. Крае“ статьи г. Сулятицкого. Сейчас же — о некоторых общих вопросах.

Скажем заранее, что одной из самых действительных причин кубанских неудач первой половины 1920 года было: неудачный выбор В. Атамана (ген. Букретова), как и неудачный состав назначенного им правительства (пр-ва Иваниса). Ни тот ни другое не справились с стоявшими перед ними задачами. Другой вопрос (которым сейчас заниматься не будем) — или в нашей среде действительно не было тогда соответствующих людей, или мы их не смогли найти.

А задачи не только перед Кубанью, но и перед всем Казачеством стояли тогда огромные и ответственные и в повороте тогдашних событий к лучшему Кубань могла бы сыграть решающую роль. Этой роли она не сыграла.

Вспомним:

Та глухая борьба между Добармией и Кубанью, которая тянулась с весны 1918 года (ст. Мечетинская) в течении 1918 и 1919 годов, прорвалась наружу в ноябрьские дни 1919 г. И хотя 7 (20) ноября Деникин-Врангель (при помощи некоторых кубанцев же) и „победил“, но и для них — „победителей“ — не было уже на другой день, очевидно, секретом, что в сущности 7 (20) ноября Кубань и Добармия стали открыто друг против друга как непримиримые враги. Если и после ноябрьских дней обе стороны между собою еще „говорили“, то только потому, что одной стороне (Деникину) другого выхода не было, а другая, имея руки связаны борьбой с большевиками и дезорганизованная военно и экономически Добармией, „не была готова“ к „разрыву“.

Но, разрыв с русской генеральской контрреволюцией, разрыв со всяким русским делом становился для кубанцев лозунгом дня. За два последние месяца 1919 года это настроение для Кубани стало всеобщим. Необходимость найти самостоятельное решение своего вопроса становилась бесспорной для всех. „Смущены“ были даже те, кто в ноябрьские дни играли в „нейтралитет“. Только не смущались еще те, кто помогал Деникину-Врангелю надевать петлю на Кубань. Но настроение в широких казачьих массах было ясное, определенное и единодушное. Оставалось только еще раз ясно и определенно формулировать свою политическую программу и хорошо решить вопрос возглавления Кубани. Этот последний вопрос в декабре стал уже практически в связи со смертью В. Атамана ген. Успенского.

На конец декабря (29 по ст. ст.) созывалась Краевая Рада для выбора нового Атамана. Так как настроение Кубани было явно в пользу самостийников, то политическая часть задачи предстоящей сессии Рады не казалась так трудной для тех кругов Рады, которые делали тогда политику. Гораздо труднее стоял вопрос об Атамане. Кого?

Перед нами стоял очередной и самый важный в то время вопрос — вопрос создания Кубанской армии, ибо без удачного решения этого вопроса нельзя было думать серьезно ни о чем другом. Разрыв с Деникиным и предполагалось начать с организации своих казачьих сил в свою казачью армию. То, что в начале января собирался Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, как нельзя кстати было моментом благоприятным для того, чтобы осуществить разрыв не только кубанским, но общеказачьим фронтом и общеказачьим же фронтом, опираясь на свои казачьи вооруженные силы, решительно поставить вопрос о своей судьбе, о своем казачьем государстве или отдельных казачьих государствах — в зависимости от того, что даст Верховный Круг. Обстановка складывалась так, что инициатива такого именно решения казачьего вопроса принадлежала кубанцам и той первой реальной силой, на которую могло опереться это решение, должна была стать вновь создаваемая Кубанская армия. С этой точки зрения ата-

манский вопрос и вопрос будущего пр-ва приобретал особо важное и ответственное значение.

С этой точки зрения атаманский вопрос был решен кубанцами неудачно. Ген. Букретов, как оказалось после, не годился для той роли, для которой его выбрали.

Почему то у нас, казаков, укоренилось убеждение (очевидно, „дань“ тому, прошлому, когда нами правили „наказные“), что Атаманом (Президентом!) должен быть непременно генерал (а может быть мы не представляем себе еще ясно роли Президента). Сейчас, вероятно, не покажется уже таким „диким“ намерение попробовать такое „убеждение“ разрушить или, по крайней мере, ослабить — жизнь, ведь, не дивизия, государство строить — не корпусом командовать. Тогда же... тогда мы искали генерала. Искали генерала самостийника, сторонника разрыва с Добармией и такого, который бы сумел создать и организовать Кубанскую армию. К нашему несчастью, большинство кубанских генералов принадлежало как раз к лагерю противному. Вспомнили о ген. Букретове. Приписной казак — это минус, но — в не милости у Деникина, георгиевский кавалер (значит, думали, человек мужественный), а спор осенью 1918 года о нем Быча и Филимонова создал ему и некоторую репутацию самостийника. Ген. Букретова знали наши пластуны, но многие члены Рады его не знали. Не знал его (и никогда перед тем не видел) и пишущий эти строки, ведший, в числе других, непосредственные с ним переговоры перед открытием заседаний Рады. Условия, которые ему в этих переговорах ставились, ген. Букретов принял. Условия эти были: создание Кубанской армии, разрыв с Добармией, защита Кубани от большевиков и принятие самостийной программы Рады.

Ни одно из этих обязательств ген. Букретовым исполнено не было. Не было счастливым для Кубани и решение новым Атаманом вопроса о пр-ве. Назначенное им пр-во г. Иваниса было не более удачным, чем оказался и он сам.

Не будем спорить здесь с г. Сулятицким о разных мелочах и „небольших неточностях“ в изложении им событий, отметим только наиболее существенное (и то подробнее позже), но наше утверждение о неудачном Атамане и неудачном составе пр-ва подтвердим сейчас же указанием на то, что в свое время этот взгляд разделял и г. Иванис, когда в Тифлисе вместе с президентом Краевой Рады, „ликвидировал“ ген. Букретова и „ушел в отставку“ свое же пр-во почти в полном составе.

30 декабря (по ст. ст.) 1919 года собралась Краевая Рада. Быстро и решительно ликвидированы были „ноябрьские дни“ — Рада аннулировала все решения наязанные штыками Деникина-Врангеля, восстановила Законодательную Раду, избрала Атамана и членов Верховного Круга Дона, Кубани и Терека (это была, кажется, самая короткая сессия К. Рады)

Некоторые „неточности“ в статье г. Сулятицкого:

Г-н Сулятицкий пишет (стр. 10): „1 січня Військовий Отаман, порозумівшись із Краєвою Радою, запропонував членові Ради інж. В. М. Іванисові зформувати новий уряд... — Никакого особого „порозуміння“ у В. А. с Кр. Радою не было, т. к. В. Атаман всего лишь только сообщил Раде, что он назначил председателем пр-ва члена Рады В. Иваниса. Точно также, не было никакого „порозуміння“ с К. Радою“ и В. Иваниса по вопросу о составе пр-ва, а после того, как пр-во было составлено, об этом тоже было сообщено Кр. Раде. И только. Иначе и не могло быть, т. к. Кр. Рада восстановила Законодательную Раду, перед которую и должно было, согласно Конституции и установившемуся уже обычаю, предстать новое пр-во со своей программой (декларацией). Сего последнего пр-во Иваниса не учинило.

О самом пр-ве Иваниса мы имели уже случай говорить на страницах „В. К.“ (см. номер 11 за 1928 год). Отметим здесь только наиболее больное место этого пр-ва, предопределившего все его последующие неудачи, а с его неудачами и больше чем неудачи Кубани. Это — военный министр ген. Болховитинов, служивший, как оказалось позже, большевикам. Не казак,

случайно попавший на Кубань, русский генерал Болховитинов приглашен был ген. Букретовым и г. Иванисом кубанским военным министром, т. е. поставлен был во главе организации кубанских вооруженных сил. Конечно, никакой Кубанской армии создано не было...

Не ужас ли это? не проклятие ли это? — во главе наиболее ответственного дела ставится прямой агент большевиков! Конечно же, ген. Букретов и г. Иванис не знали, что ген. Болховитинов предатель (предатели всегда люди ловкие) — но, на ком же лежит вина за это тягчайшее злодеяние? И если бы мы даже не могли винить ни ген. Букретова, ни г. Иваниса за то, что они не знали кого брали к себе в помощники, то можно вопрос ставить иначе: разве они не видели, что ген.

Болховитинов не создает армии, а всячески мешает ее созданию? — они должны были это видеть. От ответственности в таком случае ни В. Атаман, ни председатель пр-ва уйти не могут.

Наука и поучение из всего этого следует не только для кубанцев, но и для всего Казачества.

Более подробное освещение затронутых здесь вопросов, равно как и право остановиться на затронутых г. Сулятицким вопросах о поведении большинства высшего командного состава кубанских вооруженных сил (особенно о поведении некоторых генералов), с одной стороны, и о поведении рядового казачества, — с другой, мы откладываем до окончания печатания статьи г. Сулятицкого.

Думы и мысли.

Константин Шариков. (Югославия).

* *

Молиться б надо, но кому —
Разгневанному Божеству?
Как будто Бог про нас забыл,
Но все-ж я веру затаил.

Осталась искра, но и та
Чуть теплится и бури ждет,
И ярким пламенем тогда
Восторгом грудь мою зальет.

Родные братья казаки,
Любите Бога, Край степной,
Молитесь Матери Святой,
Тогда вернетесь вы домой...

Нас ждет и манит даль полей,
И переливчатой свирелью
Звенит, струясь, вся ширь степей —
Зовет к святой любви, смиренью...

А. Бабков. (Румыния).

* *

Степь — моя колыбель, степь привольная!
Как красиво ты разосталася, —
Между рек и холмов ты, раздольная,
Хуторами белыми убралася.

Ты шумишь всегда травяной волной;
На твоём бесграничном просторе
Дон своею седой волной
Проложил шлях-дороженьку к морю.

На твоей ли груди не выросли табуны?
И не ты ли была нам кормилицей?
А теперь засорили тебя бурьяны,
Перестала ты быть нашей житницей.

Московиты пришли, гнет с собой принесли,
Как при I-ом Петре расправляются
Так, что многих на плаху уже отвели
И над нашим святым издеваются.

Жен и малых казачьих детей
Без кормильцев они оставляют.
Под конвоем солдат из родных куреней
Их отцов в Соловки отправляют.

И болит моя грудь, изнывает душа...
Нет сильнее мучительней боли:
Зверством там враги, правду глуша,
Завладели и нашим отеческим полем.

Но мы знаем, что близок рассвет
На просторах родимого Края;
Принесем мы врагу свой казачий ответ,
Из неволи наш Край выручая.

Яков Ковган. (Скопье).

Кубанцам.

Гей, братья-кубанцы лихие!

Где ваши батьки удалые,
Что умели за волю стоять?

Где ваши батьки Атаманы

Кубани сыны-великаны,

За волю что шли умирать?

Знать тяжкое время вам вышло?

Знать горе, расцветшее пышно,

Пришлось в одиночестве несть?

Знать многим вы стали нелюбы?

Для „бывших“ теперь — „душегубы“,

Что не дали на горб себе сесть!

Где ваши отцы-командиры?

В чей лагерь унесли их „мундиры“

„Награды“ себе добывать?

Завет казаков-атаманов:

„Не носить нам московских кафтанов!“ —

Не надо бы им забывать!!!

Из древле, — по сказам мы знаем, —

Выбирали в Кругу Атаманов

На Раде своей казаки.

Наказ им при том же давали:

„Боронить“ заветы изстари,

— Как их боронят казаки!..“

Подняли вы „Вольное Знамя!“

Горит в вас священное пламя

Борьбы за свободу и волю!

Горят уж вдали там зарницы,

Где ваши родные станицы

Влачат свою горькую долю!

Сомкнитесь, кубанцы, плотнее

С Казачеством — вместе мы будем сильнее,

За общее дело идем!

Через тернии всех испытаний,

Изгнаний, гонений, скитаний —

Кубань мы родную найдем!

Имея своих Атаманов

Правдивого слова и песни баянов —

Казачества Вольных сынов,

Имея своих Великанов —

Не страшен нам „шторм ураганов“,

Не страшен нам козни врагов!

Пусть реет трехцветное знамя!!!

В нем сине-малиново-желтое пламя

Надежду кубанцу сулит!

Пусть рядом, над всем развеваясь,

Кубанского знамени краем касаясь —

Казакки знамя стоит!!!

Держите же крепко вы Знамя!

Дедов пусть идейное пламя

Того, кто казак, осенит!

Пусть трепетно сердце забьется,

Великан казак пусть проснется —

Былое дедов воскресит!

20.IX.1931.

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Как гибло Донское Войско.

(Окончание).

XI.

Желая оправдать себя за опустошение духовной, моральной и материальной жизни Казачества перед Казачьей Историей и убедить казаков в своей правоте и не виновности, г. Мельников указывает на Декларации и Указы и говорит казакам: „Декларации и Указы эти принимались в заседаниях В. Круга единогласно“. Испестрив номера 6 и 7 „Р. К.“ второстепенными доказательствами из Декларации и Указа, он забылся, что они не есть Осн. Зак. В. Донского. Иногда в своих доводах он говорит о главном, заканчивая многоточиями (См. „Р. К.“ № 6). Обвиняя самостийников за воинственную проповедь и психологическую их подготовку „к возможней будущей войне против России“, он „боится“, что это может породить плохие отношения со стороны русской общественности к казакам. Можно успокоить, что отношения со стороны русских к Казачеству вообще и в частности к отдельным казачьим лицам лучше не будут, чем каковы они были в дни Зар. С'езда, когда русская общественность назвала даже ген. Богаевского Троцким. Знаем, как реагировал на это ген. Богаевский и говорил казакам: „Помните, что нас, казаков, никто не любит: ни русский народ, который не забыл еще усмирений казаками разных волнений, на которые старая власть не решалась послать другие войсковые части; ни те, кто всегда смотрел на нас, как на нечто низшее, плохо воспитанное, грубое, кому нужно только „приказывать“ (Осн.: см. Вест. № 4 стр. 7 от 1926 г.). Помним, кто в те дни „грубо“ оскорблял и психологически подготавливал казаков против тех же русских и сколько Сводок, Ин. Листков и Вестников г. Мельников по этому поводу исписал и был (без самостийников) не менее воинственен против той же „России“. Тогда он проповедывал: „Партийные люди упрекнул нас за неопределенность. Мы же сошлемся на слова Донского Войскового Круга, в указе, его единогласно принятом от 20 сентября 1918 г. и обращенным по адресу русских крестьян: „Намерение навязать царскую власть России у казаков нет. Нет желания ломать копыа из-за республики — это дело самого русского народа“ (Осн.: см. Сводку № 3 стр. 25 от 1926 г.). Вышеуказанные доказательства из Указа нужно было бы г. Мельникову привести в „Р. К.“ № 6 и 7 в защиту Казачества, а не ставить многоточия, каковые можно было бы отнестись в защиту личностей ген. Богаевского и Мельникова в дни Зар. С'езда 1926 г.

Странно получается у господ правителей. Когда дело касается их личности и их мнимого авторитета, то эти господа принимают более реальные меры защиты, вплоть до Осн. Зак., вообще не стесняются формой борьбы со своими политическими противниками и казаки для них являются в виде оружия для всевозможных приемов. Что касается до защиты интересов Казачества, то в этом случае бывает как укажет им русский барин. В те времена кто не шел на их удочку или не заступался за ген. Богаевского или Мельникова, то они не прочь были подозревать казаков в измене Осн. Зак. и заносили не послушных в свои официозы для будущего: „Так вот, станичники: если и сейчас у вас настроение „весеннее“ и вы всерьез считаете необходимым торопиться, „как бы не опоздать“ с назначением „Походных“, „на ту же роль в казачьей среде, как в армии главноком“, причем второпях, не разобравшись, не только не желаете сохранить то, чего не дали уничтожить большевикам, а и пытаетесь на чужбине своими руками разрушить то, что создавали Ваши отцы и братья (да и Вы сами), решаясь на измену Основным Законам своего Войска, вынося соответствующие приговоры (как в Польше августовцы, а в Болгарии — Кочериновцы)“ (см. Ин. Листок № 11 стр. 15 от 1925 г.).

Стараясь как можно оградить свой авторитет от русской общественности, г. Мельников привлекал казаков на свою сторону тем, что с ген. Богаевским „хоронились“ за Осн. Зак. от 15 сент. 1918 г. Не послушных казаков они топили в ложке воды, указывая на то, что В. Атаманы защищают заветы Вольного Казачества и г. Мельников говорил казакам: „И снова разобрались

казаки, снова политические противники Атаманов (а вместе с тем и противники тех заветов вольного казачества, которые защищаются Атаманами) „просчитались“ — ничего не вышло и из этого предприятия, не пошли казаки на измену Конституции (Осн. Законам) своих Войск“ (Осн.: Вестн. № 4 стр. 25 от 1926 г.).

Казачья масса всегда дорожила заветами Вольного Казачества и ныне „не пошли казаки на измену Конституции (Основным Законом) своих Войск“ и как встарь подняли свое Знамя борьбы за поправные дела своих прародителей, что Мельникову стало не по нутру, а поэтому он бросается всяпья и, прикрываясь своим политическим хламом, спешит обвинить казаков за то, что они смели защищать „заветы Вольного Казачества“, о чем он сам проповедывал вплоть до появления инициативной группы Вольного Казачества. Ныне и за это же обзывая казаков „выродками“ и „презренными“, он писал: „Всякому терпению бывает предел, всему есть границы“. Прав он, что всякому терпению бывает предел, что касается всему есть границы, то у г. Мельникова границ нет. Исказив Основ. Законы В. Донского и отбросив их, он стал хорониться за аннулированный закон и зовет казаков идти по стопам А. М. Каледина: „Нужно идти по стопам А. М. Каледина“.

Достаточно открыты 73 страницу Вестника № 14 и 15 и можно остановиться, чтобы дальше не идти, ибо на этой странице участь постигла законы Калединских времен та же, какая постигла закон 1918 г. в „Р. К.“ № 6 на стр. 20.

Г. Мельников, находясь на высших Дон. постах, не ограничивался своими пересказами и переложениями законов и, пользуясь бесконтрольностью, а поэтому для составления программы К. Союза, он взял аннулированный закон 1917 г., разбив его по отдельным пунктам программы Союза с новыми неточностями. Проверим. Откроем 20 стр. Сводки № 3, где помещена программа К. Союза. Пункт 1 гласит: „Казачья края — неразрывная составная часть Российского государства“ (См. всю программу). Будем рассматривать, сие коровное писание, с руссофильской точки зрения, то придется задать себе вопросы: есть ли тут что точное. Во имя какого же российского государства казаки должны идти по стопам? По стопам монархического? По стопам социалистического или республиканско-демократического толка или государства?

Если к Осн. Зак. он прибавлял „впредь до“ и „не противоречащего“, что повторил он на публичном каз. собрании в Париже первые слова 18 янв. 1931 г., а вторые — 20 дек. 1930 г., то здесь он пока не прибавляет и не хочет сказать, но указывает на программу К. С. и говорит: „Программа „Казачьего Союза“ — списана не с потолка, не придумана в кабинете — в ней высказано то, за что боролось казачество в его целом в 1917—1919 гг. (Осн.: см. Св. № 3 стр. 24). Получается впечатление, что, по Мельникову, казаки проливали кровь за неопределенность, и ему желательно, чтобы еще казаки постраждали за неопределенность и его пересказы. Таким образом закон Калединских времен Мельников превратил в нуль, по стопам которого он пригlašает идти казаков.

Так снисходил и восходил он по своей присяге „впредь“ „до“, опустошая дух казака и его духовно-моральную, а с этим и материальную жизнь. Так гибло Донское Войско, а с ним и все Казачество.

XII.

Дух отдельного лица, или военной части, или целого народа есть вершитель судеб над этими лицами. После духовно-психологического падения, известное лицо иногда теряет свою семью и хозяйство, становясь на положение нищего и раба. Военная часть теряет боеспособность и катится к дезорганизации.

Тогда говорят, что в известной части пал дух или она разложилась, и подобную часть отводят в тыл для расформирования или для поднятия боевого духа. В гражданской жизни народа тоже требуется дух и от него зависит интенсивно-продуктивная работа известной нации, что зависит от правителей того или другого народа.

Не смотря на то, что на нас смотрят лавры славы и побед наравне с другими казачьими Войсками и с другими сильнейшими духом народами, но ныне и в гражданской жизни донцы духовно-психологически подорваны, ибо управляемы не правителями, а законами и, — „плачут стогнут казаченьки“. Если вы плачите о гибели Казачества, то снимите известковый покров с глаз своих и увидите, что вас обманывают. Кто обманывает?! Будем смотреть в глаза правде и на окружающее. Редакцию журн. „Вольного Казачества“ прошу печатать следующее:

„Мы вообще считаем социализм в казачьей среде — недоразумением; — недоразумением — именно в казачьей бытовой среде — в среде крепких собственников, твердых хозяев. Мы относимся с уважением к искренним убеждениям, но если нам надо иметь дело с социализмом, то мы предпочитаем иметь его с социалистом — русским человеком вообще, а не с социалистом-казаком, ибо „социалист“ и „казак“ — два понятия друг друга исключающие. Социалисты искренние и последовательные это и сами признают, переходя к отрицанию необходимости и желательности самого существования казачества. Это, по крайней мере, последовательно, но тогда социалисту не стоит считать себя казаком, и лучше просто перейти из казачьего в общероссийский социалистический лагерь и не выступать от имени казаков“. (Осн.: см. Св. № 2 стр. 21 от 1926 г.). Кто так писал о социалистах? Так писал Мельников и не ошибся он и признался о настоящих вождях, что они „примут все меры вразумления“ и уже принял все меры вразумления вплоть до недоразумения. С кем он ныне рядом сидит? Повторяю, будем смотреть в глаза правде и увидим, что он сидит с социал. и именуемым, по непонятной причине, генер. секрет. К. Союза А. П. Марковым, который 31 авг. 1930 г. на публичном каз. собрании упорно отказывался, что он не социалист, как г. Керенский ныне отказывается от своих времен (Вр. Пр.) и говорит, что тогда была „керенщина“. Для доказательства, что Марков — социалист, может служить социалистический журн. „Дни“, где его можно лицезреть в качестве сотрудника указанного журнала, а газета „Пос. Нов.“ за № 3285 от 1930 г. подтвердит, что Марков как один из докладчиков на собраниях социалистов: „Собрания „Дней“ „Доклад А. П. Маркова“. Мельников на ответственных донских постах в роли мальчика, играющего в песочные домики. То, что вчера разрушал и писал о социал. Ногаеве и о социалистах вообще, сегодня „созидает“, садится рядом с социалистом Марковым, а поэтому действительно получается то недоразумение о котором он казакам писал в Сводке. Это недоразумение на собраниях в клубе и под председательством ген. Акулинина, прикрываясь фигурой листом, совершают „походы“ на Основные Законы старейшего Войска Донского, превращая их „впредь“, „до“ и „непротиворечащее“. Они идут окольными путями, избегая глаза казака, показывая как бы не желают отрицать „самого существования Казачества“. Устанавливают % соотношения казачьего и крестьянского населения в Казачьих Землях и что по их утверждениям последних больше, чем казаков, а поэтому пригласают последних идти на Москву, ибо по их понятиям тогда легче можно будет сохранить казачье население. Думаю, что казаки в первый поход на Москву и в первую „гражданскую“ войну потеряли 50% мужского населения, а Мельников, с известным зигзагом в сторону самостийников, утверждает: „Как часто жаловались простые казаки, что их, отдавших все за родину, положивших на поле брани до половины казачьего, мужского населения“... (См. В. № 4 стр. 18). Если еще раз пойти на Москву, то остальные 50% мужского каз. населения погибнет, но за то это недоразумение, катаясь по наклонной плоскости, дипломатически достигнет той необходимости, которая отрицает самое существование Казачества.

XIII.

„Судьбы Казачества решаются“. Так сказала Белградская Обще-Казачья Студенческая Станица в своем постановлении от 3-го августа 1930 г. и отозвалась на приказы Кубанского и Терского Атаманов. По этому поводу Мельников спешит с своим „Р. К.“ № 10 от

15 окт. 1930 г. и на 33 странице присоединяет запоздалую листовку ген. Богаевского с обращением к донцам. Мельников пишет: „Заслушав приказы Кубанского и Терского Атаманов и обращение Донского Атамана“... В своей запоздалой листовке ген. Богаевский обращается к донцам со следующими словами: „Донцы! По условиям жизни во Франции я не отдаю вам своего приказа о всем вышеизложенном, как это можно сделать в Югославии“. По непонятным причинам ген. Богаевский не может отдать приказа и по его, Богаевскому, живя во Франции как будто этого нельзя сделать, но по тем же „условиям жизни во Франции“, ген. Миллер отдает приказы (См. журн. „Часовой“ и газ. „Возрождение“ от 11 ноября 1930 г. № 1988 г.) становясь действительно „непонятно“, а ближайший помощник ген. Богаевского Мельников на публичном казачьем собрании 18 января 1931 г. отрицал восстания в Сибири, на Украине и на Кавказе. Как видно повстанцы со своим письмом не по адресу попали. Выдержка из письма казаков повстанцев: „В последнее время нам удалось узнать, что казачество находящееся за границей сохранило своих атаманов и правительства, имеет свои организации, но что же вы там делаете? почему же вы за целых 10 лет не подали нам абсолютно никакой помощи, неужели вы там все живущие в лучших условиях потеряли надежду на возрождение родных краев или надеетесь, что сделает это кто-то другой, помните, что нам без нас не устоять, но вам когда нас уничтожат, тоже не быть в своих краях, потому что когда нас не станет, не станет и наших краев“ (См. Кав. Каз. от 30-IV-1930. стр. 8). О повстанцах на Кавказе не умалчивал, обычно любящий умалчивать, и социалистический журн. „Дни“ и в № 106 от 14 сентяб. 1930 г., где уделено несколько страниц повстанческому движению. Страница 5 говорит: „Движение на Кавказе, на Кубани и в Черноморье не ликвидировано“. Стр. 6 — „Даралгезское восстание“ и стр. 7. Восстание не отрицает и ген. Богаевский в своей запоздалой листовке: „Судя по количеству восстаний, положение там становится невыносимым“ (Листовка от 1 авг. 1930 г.). Если для Мельникова письма от повстанцев и вообще казаков казались тенденциозны, а русская печать могла допустить провокационные сообщения, то пора бы за десять лет восстановить ту прочную связь с Доном, которая бы восстанавливала подлинную действительность, чем писать: „Мы только скажем, что самостийники пускают здесь в ход заведомую для них ложь: они прекрасно знают, что Атаман такую работу вел и ведет, что связь с родными краями у него существовала и существует“ (см. „Р. К.“ № 7 стр. 11). Донские правители сами за себя говорят и о своей работе. Один из них утверждает, а другой отрицает. Получается как будто столпотворение.

XIV.

Пользуясь случаем, что казаки лишены возможности систематически получать казачью прессу и следить за ходом казачьих дел, ибо заняты поиском куска хлеба, а поэтому ему, Мельникову, предоставлено широкое поле деятельности вплоть до вызова казаков по тревоге, но только не на защиту Казачества, а отдельных личностей и для травли казаков — казаками. Так он вызвал в жур. „Р. К.“ № 6 и 7 все зарубежные казачьи Хут. и Станицы и в результате отозвались два казака от двух организаций, а вся тревога Мельникова закончилась насмешкой над этими казаками (Каз. сборник от 1930 г.). По этому поводу в жур. „В. К.“ № 69 на стр. 16 отмечено статьей: „Сам себя наказал“. Когда казаки скажут в жур. „В. К.“ правду ген. Богаевскому, то он, Мельников, рассылет по всем зарубежным казачьим организациям своих лекторов, в том числе и социал. проф. Маркова, снабжая некоторых из них туманными картинками (См. В. № 16 и 17 стр. 11).

Политическая обстановка для нас, казаков, понятна как и был понятен военно-боевой фронт 1917-1920 г. Казаки на фронте „гражданской“ войны говорили: будем сражаться за Казачество и дальше границы не пойдем. В те времена мы были наивны и очень скромны и не требовали того, что имели право требовать через своих представителей от тех, кому вручали судьбу Войска Донского, а поэтому появились „лжекапिता-

ны" Мельников и Харламов, сожавшие и ныне сожжающие полуразбитый Донской корабль не на случайный подводный камень, а на заведомую русскую мель. Посадив корабль на русскую мель, капитаны приказали казакам спастись как кто может и вплавь через моря. Выплывших казаков за границу, они вербуют, ибо хотят снова быть капитанами. Казаки живя за границей, заняли выжидательную позицию, думая, что донские руководители образумятся, а поэтому восемь лет молчали, молчали даже тогда, когда вышел в свет родной казак жур. "В. Казачество", ибо казаки знали, что на чужбине без родной почвы требовать много от своих представителей нельзя. Кроме того, казаки понимали, что разрушать легко, а созидать тяжело. Исходя из этого, казаки предполагали удовлетвориться минимальным, а поэтому донцы наравне с казаками других Войск заняли политическо-деловую выдержку, которую нарушил Мельников с ген. Богаевским, напав не на отдельных казаков, а на целое Войско Донское. Они сказали, что все основы Донского Войска — "впредь" "до" и "непротиворечащего". После этого донским казакам оставалось только взорваться, но не жить и лишь благодаря того, что казаки рассеяны по всему земному шару, а поэтому сопротивление морально-гнетущего давления на духовно-психологическую жизнь донских казаков и всего Казачества рассеялось и тем спасли и свое положение ген. Богаевский и Мельников.

Казаки глубоко скорбят о Казачестве, скромно отвести на Вест. № 14 и 15, в своем жур. "Вольного Казачества" в № 10 и 11, полагая, что больше указанные господа не позволят в будущем и этим дело будет закончено. В № 2 от 1930 г. ген. Богаевский дал слово, что он больше не будет выступать против казаков, но после этого и с новой силой напал и сравнил их с каторжниками, разбойниками и убийцами (См. Возр. № 1522). Давал такое же слово и Мельников в "Р. К." № 10 на стр. 41 от 1930 г.: "Поэтому мы заявляем, что всякие дальнейшие выпады самостийников мы будем оставлять без всякого внимания и без ответа. Н. М. Мельников". Но, выпустив "Казачий Сборник", он снова поносит самостийников, а на публичном казачьем собрании 18 января 1931 г. признался, что его путь "неверный". Мельников 10 лет капитанит и плавает с кораблем донских казаков по неверному пути, а смерть уносит бесплодно казаков здесь в эмиграции и раздаются вопли там в Родных Краях, пополняя беспредельное море казачьей крови. Поэтому всем тем, кому Мельников с его "Р. К.", а не Казачество, то лепите снова себе известкой глаза и снова плачьте, но не пейте на свою рабско-нищенскую жизнь, ибо вы так хотите.

Немного грубовато приходится писать, иногда резко, а поэтому у казачьих "вождей" справа и слева бывает от жур. "ВК" плохое ощущение на ухо, чем они очень недовольны. Им жаль ухо, а нам, вольным казакам, не измерить глубины боли, ибо по их вине в большевицкую войну погибло 50% мужского казачьего населения, а в настоящее время, под крылышком кровной России, гибнет все Казачество и уже залиты казачьей кровью Родные Края. Виновники казачьего кровавого пира устраивают политические маскарады и на глазах у казаков хоронятся за федерацию и автономию, как они хоронились с 1917 по 1920 г. за самостийность. Острием буквы их "хитрость" нам, казакам, не уколоть, что заставляет нас говорить и писать на том языке, на котором говорили наши прародители и будем стрелять громом молнией, громом молнией Атамана Ермака, чтобы слышало все Казачество, мертвое и живое.

XV.

Большинство из казаков по наивности своей и влекомые к объединению ходом исторических событий, неся казачье добро на общий алтарь Казачества, уподоблялись труженице пчеле, входя как бы в свой улей К. С. Оказалось, что вместо своего "улья", казаки попали просто в руки к Мельникову, у которого вся работа по Каз. Союзу сведена к приветствию "новых членов, вступивших в состав Союза".

Приветствует он в "Р. К." № 2, 154 каз. организацию, вступившую в К. С. и именуется она Провансальской Общеказачьей Станицей в Марселе. Если мы откроем страницу 29 Сводки № 3 от 1926 г., то встретим первоначальный номер Марсельской общеказачьей станицы № 17, как образовавшейся из Марсельского общеказачьего хутора, ныне получившей второй порядковый № 154. Еще печальнее у Мельникова обстоят дела с номерами Дижонской объединенной Станицы. В один и тот же год и при одном и том же Ст. Атамане, станица получила от Мельникова два порядковых номера:

1) "128 Объединенная казачья Станица в Дижоне, во Франции (Ст. Ат. Федор Варлашкин)", См. "Р. К." № 3 от 1929 г. стр. 56. 2) "№ 132 Объединенная казачья станица в г. Дижоне (Франция) Станичный Атаман г. Варлашкин (См. "Р. К." № 6 от 1929 г. стр. 35). Если произвести проверку Мельниковской нумерации, которая дана им станицам и хуторам, то некоторые из них имеют двойные номера, а многие из организаций, за смертью, должны бы быть давно занесены в исходящий журнал.

Принимая во внимание, что Мельников развернет работу Каз. Союза "на родной земле", а ген. Богаевский в России "в таком "Каз. Союзе" не находит надобности", то становится ясно и понятно, что вся работа К. С. сведена не к защите Родных Краев и казачьей эмиграции, а к защите личности ген. Богаевского и Мельникова, защита же ими Р. Краев, нам хорошо известна. Мельников, сваливая свою вину за материальное и моральное горе, нанесенное Донскому Войску и всему Казачеству своим управлением, прибегает для воздействия на непослушных казаков к помощи и опоре ложной нумерации каз. организаций. На странице 16, Р. К. № 7, он омыкает руки от всякой ответственности перед Донским Войском и заявляет: "Казаки должны знать, что те лица, которым Атаман доверил охрану достоинства, с честью выполнили возложенное на них поручение". Этим все сказал Мельников донским казакам и отдал полный отчет о своей деятельности. По его, Мельникову, лица стоящие у руля Донского корабля не ответственны за судьбу последнего, а те "казачки", которые проливали кровь, ныне в загоне и, главным образом, отвечать должны "безответственные агитаторы-самостийники", делающие выпады. Проверим.

Откроем журналы "В. К." от 1 до 10 номера и видно будет, что никаких выпадов нет. Не было выпадов, со стороны самостийников, в дни объезда ген. Богаевским казачьих станиц и хуторов по Балканским государствам и Мельников это подтвердит и в подтверждение сошлется на "Вестник" № 16 и 17 стр. 29-32, где он пишет: "Недоброжелательно отнеслись к Атаману и некоторые органы печати: "Новое Время", "Руль", "Путь Казачества", помешавшие или явно враждебные или тенденциозные, несоответствующие истине, сведения". Касаясь последних годов, то и здесь самостийники не нападали, а лишь достойно отвечали и защищаясь, о чем речь шла выше.

XVI.

Мельников, изошряясь в своей несправедливости ведения казачьих дел и в последнее время дойдя до самоопровержения, что заставило донцов целых десять лет "роиться", ибо завелась среди них матка трутовка, а не Атаман, породившая каз. трутней имя им Мельников и Марков. Трутни поедают улье мед, иногда вплоть до поноса и поносят они донских "пчел" — казаков, создавших в 1918 г. самостоятельный жемчужный каз. улей, а поэтому в донском улье появился гнилец. Донские казаки "роясь", они ищут себе настоящую Матку — Атамана, который бы достойно защищал улей Казачества, осаживая "красноречивого" пересказчика Мельникова и указал бы социал. Маркову, что ему "не стоит считать себя казаком, и лучше просто перейти из казачьего в общероссийский социалистический лагерь и не выступать от имени казаков". Вопрос смертоносный, кто возьмет казачьи пчелы или каз. гнилец?

XVII.

Подводя общие итоги работы Мельникова на Дон. ответственных постах, мы имеем на лицо следующие результаты его работы:

1) В 1917 г. Донское Войско было доведено Мельниковым, как Пр. Д. В. Круга, до удушения и Войско побагровело, лишь благодаря исключительной силе и энергии донских казаков ожило и стало самостоятельным. 2) Прикрываясь казачьей седой стариной и ее вольностями, он создал Каз. Союз, превратив его в похоронное бюро, употребив максимум всей казачьей силы и энергии. От имени такого Союза, находясь вне сферы контроля, он переложил и пересказал Основные Законы 1918 г. „впредь“ и „до“ и аннулированные законы 1917 г. в „непротиворечащего“. Вернее и яснее — нежесткая эксплуатация Мельниковым донских высших ответственных постов. 3) Дипломатически утопил казачье переселенческое дело, превратив его в политику, о котором писал казакам на протяжении нескольких лет (См. Сводки и Вестники). 4) Духовно-психологически подорвал и надорвал казаков ложью, что повлекло к непониманию казаками общеказачьего „Я“. Уничтожение Казачества велось по двум направлениям: 1) по линии физического уничтожения казаков с 1917 по 1920 гг. и 2) по линии духовно-психологической с 1920 г. по настоящий день.

Принимая во внимание всю тлетворную работу Н. Мельникова с ген. Богаевским, со дня их появления на политической казачьей арене, а поэтому ставлю Памятник над скелетом Казачества и над казачьими костями, рассеянными от Востока до Запада и, идущим на Суд. На суд Чести мира, на суд Казачьего Майдана — Войсковой Круг и представляю все то, что творили те, кому Войско Донское вручило свою судьбу.

Ив. Скобелин.

„Кубанское Казачество.“

Многоуважаемый Господин Редактор!

Считаю не лишним поделиться мыслью относительно журнала „Кубанское Казачество“, изданного Обществом ревнителей Кубани, прошу поместить на страницах журнала „В. К.“ следующее:

Прочтя журнал „Кубанское Казачество“ я должен сказать, что желание пополнить страницы истории славным прошлым Кубанского казачества не угасло. О-во ревн. Кубани и ими изданный журнал действительно достойны своего имени. Истина, изложенная на страницах журнала, лишней раз поступится в самосознание кубанского казака, разменявшегося на чуждые казачеству, в частности кубанскому, интересы. Для многих казаков само слово казак становится „чужим“ и они его до некоторой степени боятся, хотя сами хорошо знают, что они потомки тех славных дедов, которых казачья песня никогда не забудет. Их кровь пролитая и путь от Запорожья и Хопра не должны быть забыты. Храните казаки свое казачье имя, а с ним быт и традиции Казачества.

Что касается статьи генерала Кокунько относительно значения Ставропольского юнкерского училища для Кубанского и Терского Войск, то в моем понимании статья эта заслуживает особого внимания, сам-же генерал — имени настоящего ревнителя Кубани и генерала-казака. С десятком таких ревнителей Кубань найдет себе правильный путь казачий. Я думаю, кто читал его статью, тот меня понимает и пожелает, как и я, нашему старому казаку жить много, много лет. Хорошо пишет Куртин и другие. Но главное внимание хочу обратить на первую статью журнала „День Кубанского Войскового Праздника“. Написана эта статья с полным знанием истории. Все написано с пониманием всего того, что проделано с Кубанским казачеством и его традициями. Но... редакция, видимо, не заметила, что заключение статьи в корне расходится со всем тем, чем начато и о чем, видимо, хотели говорить. Хорошо говорилось, но не хорошо закончилось и совсем не в духе широких масс казачества а особенно кубанского. Могу заверить, что мною руководит и дает повод к обсуждению этого, довольно созрелого вопроса истин-

ное самосознание казака кубанца, поддержанное мыслью большинства кубанцев здесь проживающих.

День Кубанского Войскового праздника — вопрос довольно крупного масштаба и приступая к его разрешению нельзя руководствоваться только личными пониманиями. Ибо праздник тогда праздник, когда его празднует не парадная черкеска, а душа казачья, связывая с этим днем какое либо отменное событие по Войску. Вопрос о дне Кубанского Войскового праздника давно назрел в полной форме. Приведу пример по этому поводу самого близкого ко мне случая. В настоящее время я состою помощником атамана куб. каз. хутора в городе Лионе. Зная состав членов хутора и их мнение относительно дня Куб. Войск. праздника, скажу, что согласно приказа Куб. В. Атамана, атаман хутора пойдет в церковь, отслужит молебен в день 5—18 октября, но праздновать хутор не будет, ибо не знают кубанцы когда-же Кубанский Войсковой праздник. День Алексея своим Войсковым праздником кубанцы не считают. Если спросите: почему не празднуете 5—18 октября, то получите обычный ответ: „Нет средств.“

25-го октября там-же в помещении Куб. казачьего хутора Союз вольных казаков города Лиона устраивает старый всеказачий праздник „День Покрова Пресвятой Богородицы“. Большинство кубанцев хуторян состоят членами названного Союза и ревностно готовятся к этому великому дню казачества и Всеказачьему празднику. Если спросите по какому случаю торжество, то вам ответят: „Потому, что мы казаки и имеем на это средства.“

Конечно, такие казаки, ревнители старо-казачьей традиции, имеют своих противников. В большинстве, противники казачества (казаки) в организациях не состоят, во избежание денежных расходов, чего организация до некоторой степени требует. Защищая себя противники казачества распускают всякую гнусную клевету по адресу истинных казаков, кто во имя казачества не только деньгами жертвует, но готов во всякий нужный момент отдать и жизнь за казачество. Рекомендую себя чисто и истинно русскими они (противники) обвиняют казаков в „измене родине“. Кто-же изменник: тот, кто, отрекшись от самого себя, пошел в лагерь противников казачества (чем во много облегчает их противоказачью работу), или тот, кто борется и жизнь готов отдать за то славное дорогое издревле нашими дедами и прадедами так ревниво охранявшееся Казачество, а с ним быт и традиции? Много и таких, которые в силу своих „хороших“ дел не могут вернуться в организации, они тоже могут найти место у противников...

Так, приблизительно, можно представить в настоящее время казачьи организации и их противников. Отсюда можно искать истинных ревнителей казачества. Статья-же написанная ко дню Кубанского Войскового праздника в журнале „Кубанское Казачество“ составлена не ревнителями Кубани, а ревнителями престола Их Величеств (согласно заключению статьи).

Т. Хоруженко.

К казакам.

Глубокоуважаемый г-н Редактор!

Сердечно прошу Вас поместить в нашем казачьем журнале „Вольное Казачество“ нижеследующее письмо к братьям казакам.

Станичники, хуторцы, однополчане и все братья казаки! Во всяком походном движении есть своего рода отставшие, так и в нашем национально-казачьем движении есть отставшие. К этим отставшим я и обращаюсь с настоящим письмом.

В нашем вольно-казачьем движении, горя любовью к своей казачьей Родине, идет все молодое, способное и сильное. Авангардом идет казачья интеллигенция, во главе идут люди, умудренные житейским и политическим опытом. Все старое, неспособное, двуличное, пресмыкается перед русскими обанкротившимися вождями и зовут туда же казаков. Зовут на поклонение чужому Богу, за чужую родину — Россию, а не за Казакую.

Предоставим русским создавать свою бывшую Великобританию, а казакам надо думать о своей Казакции.

Обращаюсь к вам, наши казаки генералы, профессора и юристы, отставшие от вольно-казачьего движения и своим „авторитетом“ тормозящие вольноказачий марш. Не одним ли степно-полюнным воздухом я дышал с Вами, не ваш ли я воспитанник со школьной скамьи, не плоть от плоти, не кровь от крови ли я с вами, не боевой ли я ваш соратник и подчиненный в строю и в бою? Не под одним ли казачьим флагом и не под звуки ли родного гимна мы вместе шли умирать за родную степь, за Казачество?!

Где же вы теперь?! Вас мало в вольноказачьем строю. К нам, родные, в наш вольноказачий стан, за свою возрождающуюся Казакцию, а не за чужую Россию. Вы казаки верхи, выбранные казачьим народом и умышленно свернувшие с намеченного нами пути, хоть на миг снизойдите с своего великосоветского „Олимпа“ и приложите свое русофильское ухо к казачьему чернозему, на котором зиждется атаманское могущество. Внемлите гулу протеста и рокоту негодования против вас. Казачья кровь, пролитая в степях, вопиет к небу и требует возмездия за измену казачьим законам. Горе тем кто не хранит завета предков и изменяет своему народу. Горе и вам, — вас постигнет кара Божья, от вас отвернется казачий народ. Вы будете позорным пятном в истории Казакции. Вас проклянут потомки.

Братья казаки, все вольные и подневольные, сольемся все в единый национально-казачий стан и пойдем по одной Вольно-Казачьей дороге, к своей казачьей родине — Казакции!

Вольный казак Дон. В. (ст. Камышевской) П. Жидков.
27 октября 1931 г. Бухарест.

К соратникам.

М. Г. г-н Редактор, прошу напечатать в уважаемом вашем журнале мое письмо:

Здравствуйте, дорогие братья донцы, казаки Все-великого Войска Донского, защитники родного, сегого Дона! Вот уже 12-ый год мы скитаемся изгнанниками, московскими комиссарами лишенными родины, а здесь наши вожди, несмотря на 200 летний печальный опыт несчастного властвования над нами Москвы, все еще зовут нас туда, чтобы она нас окончательно доконала.

Мы, дорогие братья, не должны забывать, что сотни лет мы служили оплотом этой неблагодарной России, а когда пришлось хоть однажды послужить себе, отстоять свою свободу, мы не сумели и проиграли дело. Каждый из нас должен задуматься, отчего это так стало и почему? А вот почему, дорогие братья:

Наши вожди, атаман и командующий армией, изменили нам и в политике и в войне, и повели нас не по той дороге, которая вела к казачьей свободе и самостоятельности, а туда, где русский народ зарыл свое старое, негодное, прошлое. А когда мы, под водительством наших вышеуказанных вождей, хотели было навязать ему старые порядки, то он и встал на нас.

Так вот, братья, имейте в виду, что наши вожди однажды нас погубили, в результате чего мы скитаемся теперь здесь. Теперь нам пора за ум взяться и свой интерес соблюсти, иначе мы пропадем навсегда. Надо нам сплоченной, единой кучей идти за теми нашими казаками телом и душой, что к воле и свободе нас зовут. Давайте готовиться хоть раз правильно себе самим послужить. Оставим теперь в покое всяких Богаевских и Сидоринных, раз уже проигравших наше счастье.

Казак Донского Войска, подхорунжий

Ив. Мих. Мамлин.

(Польша).

Мои мысли о ближайшем будущем Казачества.

Пользуясь страницами нашего чисто казачьего журнала „В. К.“, мне не раз приходилось затрагивать острые вопросы, так сказать „по текущему моменту“ нашей жизни. Должен признаться, что за некоторые свои

мысли получал я от некоторых станичников и упреки: бывали и случаи согласия или одобрения, но не было случая сомнения в искренности моих суждений, за что признателен и тем и другим.

Ныне затрагиваемый мною вопрос отношу также к больным вопросам нашего бытия, а потому предупреждаю, что я не претендую на непредреканность моих суждений и выводов, допускаю, что в них я могу и ошибаться, но прошу верить в искренность моей тревоги за нашу судьбу и желание поделиться этой тревогой с станичниками и сверить, сопоставить мои мысли с ихними. Здесь я говорю только то, как я думаю, был бы очень рад услышать о том, как думают по этому вопросу и другие казаки.

Конечно, чтобы делать на эту тему какие либо предположения безапелляционного характера, нужно бы иметь сверхчеловеческую прозорливость или самоуверенный нахрап профессионального гадальщика вообще, а в нашей запутанной жизни и в современной перепутанной международной обстановке тем более. Но, постольку, поскольку человек остается пытливым существом, он не перестанет пытаться в меру сил и разума приоткрыть занавес таинственного завтра.

И как ни скользок путь предугадывания будущих узоров истории, есть, все таки, и в этом некое неременное условие, которое обеспечивает, некоторым образом, вероятность правильного предположения. Для этого нужно знать прошлое и иметь объективное, правильное представление о настоящем. О прошлом не станем говорить, ибо оно нам предостаточно известно, а в настоящем нашем положении попробуем спокойно разобраться и, отсюда, сделать попытку предсказания.

В азбуке журналиста говорится: „пиши как ни можно короче, так, что если тебе пришлось бы послать написанное по телеграфу с уплатой по 500 франков за слово, то и то нечего было бы выбросить“. Памятуя это, мы не станем долго размазывать и начнемте с того, что смело и откровенно признаемся, что наше сегодняшнее положение самое что ни есть аховное. Тут, как говорится, „куда ни кинь — везде клин“. Действительно: выехали мы в эмиграцию организованно, с своим правительством и иными прочими вождями, своими полками, дивизиями; у нас еще был не остывший пыл от вчерашних боев; была вера в скорое их возобновление; была также вера и в своего выборного главу, истинное лицо которого не было еще нами достаточно распознано; думали, что он слуга Казачества, должный прежде всего думать и печься о казачьих интересах, а потом уже могущий проявлять свои симпатии или антипатии к малайцам, а самое главное мы верили в скоропроходимость положения, в котором мы очутились и знали, что там, на родине, у нас есть целое народное ядро, в которое мы вскоре вольемся будущей закваской.

Но прошли года. Двенадцатая зима эмиграции „через прясло глядит“, а мы, без всего перечисленного выше, в рассеянии суть. Многие и многие из нас вышли уже из боевого возраста, рассеялись мы не хуже иудеев, увидели и poznali ошибку в выборе наших вождей, в руки которых с такой верой и надеждой вручали свою судьбу и все казачье добро. Очутившись здесь, в эмиграции, вне досягаемости нашего народного суда, наши главы открыли забрало и показали свое истинное лицо, отвращенное от нас туда, где их духовный „брат“ добивает и кромсает наше народное ядро. Таково наше сегодняшнее положение. Был бы рад, если кто доказал бы мне, что это не так, что положение не так мрачно, как мне кажется.

Исходя из такого определения нашего настоящего положения я делаю предположение на возможное будущее. И как это не горько и больно, но должен признаться, что Казачество, в данном своем положении, уже вступило в полосу неминуемой гибели, если оно не проявит крайнего, всеобщего национального напряжения. Если настоящее положение продолжится еще столько времени, то там, на родине, у нас не будет уже казачьего народного тела, а здесь, также, находясь в рассеянии, без твердого политического курса, без радикальной постановки национального вопроса, которая была бы известна всем международным фак-

торам во вне, мы обречены на тихое исчезновение, сперва духовно, а потом просто и физически. Точно также был бы рад, если кто нарисовал бы мне возможности иных светлых картин, исходя из моего определения нашего настоящего положения.

Но легко рисовать мрачные картины и на основании их каркать всякие ужасы. Меня могут спросить станичники, какой же я вижу выход из положения. И на это я вот что отвечаю:

Часть казачьей общественности, или группа общественных деятелей, скажем, увидела грядущую опасность для казачьего национального бытия и нашла, что единственная возможность спасения Казачества заключается в том, чтобы поставить казачий вопрос на новые рельсы и на этих путях искать счастья. Это — вольные казаки, которые выдвинули вопрос казачьего самоопределения, преподнесли как Казачеству, так и внешнему миру идею казачьей самостоятельности. Все пути нами были в недавнем прошлом исхожены, все они, если не ухудшали нашего положения, то, во всяком случае, не улучшали. Нам остается попытаться взять, что называется, свою судьбу в свои руки и, худо ли, хорошо ли, ковать наше счастье нашими руками.

И вот, по моему искреннему убеждению, если ка-

зачья эмигрантская масса и ее интеллигенция дружно, с решимостью сделать так, или умереть, возьмутся за поддержку своего национального движения и достигнут в этой работе того, что это наше движение станет вопросом международного характера, как того почти достигли украинцы, то при первой подвернувшейся подходящей международной ситуации мы обеспечим свою свободу, а следовательно и свое национальное возрождение и экономическое процветание.

Суть моей мысли, значит, такова: наше сегодняшнее положение печальное, но если дружно станем на путь политики самостоятельности, то еще можем свастись, а иначе погибнем. Вот почему я — вольный казак и вот почему я думаю, что все преданные сыны Казачества без всяких „разговоров“ и не ожидая ни чьих либо „предложений“ должны стать на путь самостоятельности и идти к нам единым потоком, а не растекаться на маленькие едва журчащие ручейки. Особенно мне не понятны те казаки, которые якобы сочувствуют вольноказачьему течению, но с таинственным многозначительным видом стоят в стороне. Я калмык, но умышленно говорю все время в этой заметке, только о казачестве, ибо считал и считаю, что судьбы их есть и будут одинаковы. Шалвур Ниминов.

Казачья эмиграция.

Что такое „Войсковой праздник“ 18 (5) октября?

Для полной характеристики дня 18 (5) октября не лишним будет привести здесь несколько выдержек из русской газеты „Русский голос“ (в Белграде), где помещены отчеты о праздновании казаками (не всеми!) дня покойного цесаревича в Белграде и Новом Саду.

Из отчета о „праздновании дня войскового праздника Донского и Кубанского казачьих войск в г. Белграде 18 октября 1931 г.“ узнаем, что 1. вечная память убиенным и умершим начата с „Атамана всех казачьих войск цесаревича Алексея“. 2. В последовавшей затем „дружеской трапезе“ тосты пили за „русский Общевоинский союз“ и за „представительство Всероссийского Земского Союза“. Из песен пели: „Скажи-ка, дядя, ведь не даром...“

Еще более интересен отчет о „казачьем празднике“ в Новом Саду: „Новосадская Обще-казачья станица в этом году торжественно отпраздновала свой Войсковой праздник, в воскресенье, 18 октября, в день Тезоименитства Е. И. В. Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, Августейшего Атамана всех казачьих войск... Праздник начался прохождением казаков через весь город в своих красочных формах под командой своего атамана есаула Протопопова. Разноцветные черески, алые и желтые лампасы, голубые фуражки... Русские при виде своих доблестных казаков невольно, мысленно, переносились в Россию...“

В церкви, конечно, поминали „Августейшего Атамана... и казаков за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших...“ На последовавшем потом „банжете“ пили прежде всего „за Русскую армию и Главнокомандующего ген. Миллера“ и исполняли Преображенский марш...

Из Белградских газет узнаем, что в тот же день, 18 (5) октября, праздновала там свой праздник и... русская полиция! Оказывается, что этот день в царской России был и годовым праздником русской полиции.

Не наводит ли это „совпадение“ вас, братья казаки, на некоторое размышление относительно недавнего прошлого?

Казаки, не держитесь за то, что было вам когда то навязано — прошлое не вернется, будем лучше думать о своем будущем!

Не празднуйте больше дня 18 (5) октября — это не казачий праздник.

На докладе Ш. Балинова в Париже.

1 ноября в Париже Донская парижская станица устроила публичное собрание, на котором Ш. Н. Балинов прочел доклад на тему „Чем стало Казачество“. Заполнившая зал аудитория с большим вниманием и интересом выслушала доклад, несмотря на то, что он продолжался три часа.

Ровно в 2¹/₂ часа председательствовавший на собрании атаман Донской станицы А. Н. Трофимов предоставляет слово Балинову, который сначала передает пламенный привет парижским вольным казакам от „Союза вольных казаков в Лионе“ и от группы вольных казаков в Южине, куда он тоже ездил читать свой доклад. Затем докладчик подробно разобрал следующие положения:

1. Донское казачество являло из себя самостоятельное, ни от кого независимое государство, и от этой своей государственной независимости казаки никогда не отказывались, за нее жертвенно всегда боролись, к ней и теперь стремятся;

2. что эта казачья государственная независимость физической силою Москвы была подавлена, что такое столкновение не случится и не могло, ибо Казачество и Москва были два различные духовно-политические миры — Свобода (Казачество) и Деспотия (Москва), для подтверждения какового своего утверждения докладчик цитировал исключительно русских авторов;

3. что вся московская политика в отношении Казачества, после его насильного подавления, носила все признаки колониальной политики и все московские мероприятия в отношении казаков преследовали одну определенную цель: подмены вольных казаков служилыми казаками, „царскими слугами“, для чего важнейшим средством считали искусственное задержание культурного развития казаков и воспитание в них „воинского духа“. В результате этой 200 лет продолжавшейся московской „затемнительной“ политики, искусственной подмены вольных казаков „казачками“ — казаки превратились в „полукрепостных рабов“, как говорил проф. Сватиков, а Казачество в „аракчеевские военные поселения“, как говорил когда то В. А. Харламов.

В заключение докладчик с большим душевным подъемом процитировал молодых казачьих поэтов и выразил свою глубокую веру в возрождение Казачества и Казачьей Независимости.

В последовавших затем прениях приняли участие многие казаки и даже не казаки. Некоторые из них за поздним временем не могли высказаться.

Первым выступает астраханец Киктев, который говорит, что доклад прекрасен, составлен великолепно. За него я жму руку Балинову. Но все же он сожалеет, что докладчик говорил только о прошлом, а не о программе будущего, ибо нас больше интересует не чем было Казачество 100 лет тому назад, а чем оно станет через 50 лет. Вот если бы ктонибудь нам сказал это — чем должно стать и будет Каз-во через 50 лет!.. Наши „водители“ от нас отвернулись, бросили нас, потому что они нас ограбили... Я говорю о нашем Атамане, который открыл кожевенный завод... Не на фабрике же он заработал свой завод? Слабость казаков заключается в том, что нас не водили наши организуют, а мы сами с низов организуемся, а водки приходят потом. Так было всегда... А когда мы слабеем — „водители“ разбегаются, нас бросают... Так и теперь — мы должны сами организовываться, а когда сорганизуемся, „водители“ к нам приплетутся... Только не надо задаваться неосуществимой целью — сорганизовать всех. Этого и не надо. Если мы даже все сорганизуемся, будут с нами даже все наши „водители“, то и тогда мы сами по себе, без посторонней помощи, бессильны. Поэтому надо сорганизовать хоть небольшой казачий кулак и им стучать во все двери... Надо нам говорить о том — каким образом добиться своей цели? Я хочу вперед, а не топтаться на месте... Я хочу стучаться... Кровь казацья кипит, сердце бурлит...

— Выступивший затем Якименко говорит „об одной исторической неточности доклада“, а именно, что докладчик сказал, будто движение Булавина потерпело поражение в значительной степени потому, что на обращение Булавина к Запорожцам об оказании помощи, последние в этой помощи ему отказали. Это неверно. Можно сказать и само то движение Булавина было рождено в значительной степени запорожцами, движением гет. Мазепы, его борьбой с Петром I. Но беда заключалась в том, что тогда главным фронтом против Москвы считались, Запорожье, Украина, а на Дон смотрели, как бы на подсобный фронт...

— Казанков говорит, что прав докладчик, говоря о прошлом, ибо всякое настоящее основывается на прошлом. Прав и Киктев, желающий стучаться, использовать всякий момент, случай в борьбе за казачью независимость, ибо отдельные моменты, случаи, во время и умело использованные, иногда в истории имеют решающее значение. В подтверждение этого, он приводит несколько примеров из времен недавней борьбы Казачества с большевиками. Поэтому, по мнению Казанкова, надо быть готовым к тому, чтобы использовать каждый удобный момент, надо неустанно „стучаться“...

— Полк. Жуков говорит, что станичник Киктев не совсем внимательно, очевидно, следит за В. К., в противном случае он знал бы, что В. К. уже сделало выводы, логически вытекающие именно из нашего прошлого и ясно, недвусмысленно ответило на тот вопрос, который интересует Киктева — чем должно быть Казачество в будущем. Ответ этот заключается в очень краткой формуле: Судьба Казачества в его собственных руках. Никаких опекунов, никаких господ! Остается только реализировать эту ясную и определенную нашу политическую цель. А для этого нужна большая подготовительная работа... Я согласен — „стучаться“ надо. Но и „стучаться“ надо с толком. Медведь дуги гнул, Мартышка очки примеряла. Трудился долго и много, но толку то от их труда никакого не получилось. Лбом стену не прошибешь, останется только шишка. Прежде чем „стучаться“, надо подготовить почву... Кто собирается нанести удар, или поднять ношу, тот прежде всего старается потверже опереться ногами, ищет твердую опору. Так и мы должны опереться. А такой опорой является для нас как раз наше прошлое, наша история, о которой сегодня обстоятельно поведал нам докладчик. Надо произвести маловидную со стороны, неблагоприятную, но бесконечно трудную предварительную, подготовительную „черную“ работу... Надо хорошо ознакомиться всем нам с идеологией В. К. и в меру своих скромных сил способствовать ее распространению и утверждению...

— Ген. генерального штаба Веселовский (рус-

ский) говорит, что он пришел сегодня сюда, узнав, что здесь состоится доклад по казачьему вопросу и с большим вниманием и интересом выслушал г. Балинова. Затем высказывает „только два свои соображения“. Во-первых, нельзя обвинять Россию за то, что она в прошлом жестоко обошлась к Казачеству, ибо вся история человечества нам говорит, что все большие государства укреплялись, основывались на человеческих гекатомбах... Когда Россия сколачивалась из отдельных малых княжеств, то и она шла по этому общему для всех пути — лилась человеческая кровь и лилась много... Другое его „соображение“ выразилось в обращении к казакам, порывом и верой которых он восторген, изучать военное дело, не отставать от своего времени, быть готовыми к разумной борьбе, вооруженными знанием, ибо военное дело за это время сделало огромное развитие...

— Ген. Быкадоров говорит, что он принимал живейшее участие в В. К., но теперь вот уже полтора года, как от него отошел в сторону, хотя „я ни от одного слова своей „Истории Казачества“ не отказываюсь, а лишь сожалею, что одновременно не выпустил и вторую часть истории, которая сейчас готова к печати. В этой части доказывается, что самостоятельность Казачества кончилась раньше движения Разина, а именно в 60-ых годах, и не под давлением России, а в результате напряженной борьбы Каз-ва с Турцией, когда Каз-во добровольно отказалось от своей независимости... Каз-во было самостоятельным, независимым государством, но за эту независимость оно дорого платило. Когда Каз-во, Украина и Великороссия объединились в одно целое, то само собой разрешилось много больших вопросов, например, выход к морю. Надо было справедливым, Каз-во из этого объединения извлекло много выгод для себя... Я не отказываюсь от своего старого принципа — во имя освобождения Казачества — хоть черт союзник. Но моя двух-слишком-летняя работа в В. К. мне показала, что у В. К. союзников нет. Мы „стучались“ и „стучались“ упорно, но союзников не нашли. За это время „В. К.“ пробудило только казачье сознание, а дальше что? Дальше ничего... Нет никаких реальных достижений. Нет и союзников. Украина — против; Горцы — против. Идея Казакии больше враги, чем русские, петлюровцы. И Россия стала врагом, а положение Казачества? Для меня благо Казачества — выше всего. Поэтому надо выбрать другой путь — единение Казачества и такое единое Казачество в составе сильного государства (?). Лучше быть Казачеству в целом в составе одного сильного государства, чем разорванным на три части — Кавказ, Украина и Россия... Идея Казакии не осуществима. Добиваться нужно не идеального, но возможного... Затем Быкадоров пускается в длинный анализ казачьей психологии, которая, по его мнению, характеризуется двумя основными чертами: отсутствие материальной жертвенности у казаков и наличие у них психологии — получать „способий“, „отдай полагаемое“. Доказательство: когда то казаки, попавшие в плен, ходили к Папе Римскому просить „способий“; героический фронт Верхне-Донцов развалился, главным образом, потому, что „какому-то полку не выдали обуви“, как пишет герой восстания Кулинов, т. е. не выдали им „полагаемого“. Также указывает на ошибочность, несправедливость — что большевизм чисто русское явление, ибо, по его мнению, в 1917 году и Казачество целиком добровольно восприняло большевизм... В своем выступлении Быкадоров, между прочим, указал, что идя сюда сегодня, он не думал, что Донская парижская станция состоит из самостийников, а шел сюда „просто побеседовать с казаками“. Очевидно, такое многословное и такое единодушно настроенное собрание его сильно смутило.

Это неопределенное и „осторожное“ выступление Быкадорова вызывает полное недоумение и резкий отпор всей аудитории. И только выступивший после него Гладков „от души приветствует выступление ген. Быкадорова“ и пускается на доказательство того, что у казаков, кроме русских, нет союзников. Надежда на союз с Грузией смешна, — говорит он, ибо казаки, особенно кубанцы, хорошо знают, что такое Грузия, грузины. Украина так и метит, как бы безболезненно прогло-

тить Кубань, Горцы — Терек, а потому, по мнению Гладкова, нужно смиренно сложить свои лапки и просить прощенья у русских...

— Чертков приветствует докладчика за его обстоятельный доклад, ибо свое будущее мы сможем хорошо построить, если мы будем знать хорошо наше прошлое. Изучение нашего прошлого дает нам ключ к пониманию того — кто наши истинные союзники, кто — враги. Затем он горячо и дельно возражает Быкадорову и Гладкову, что вызывает дружные аплодисменты аудитории.

— Молодой донец Захаров выражает свое удивление по поводу доклада и столь же горячо возражает Быкадорову и Гладкову. Вы говорите нам, что Грузия — ерундовый союзник, ничтожная, бессильная страна, никакого значения для нас не имеющая. А я спрашиваю вас, почему на всем протяжении этих 12 лет только эта „ничтожная страна“ борется с большевиками непрерывно, почему только там происходят противоборствующие восстания, а ваш „великий русский народ“ не издает и звука?..

— Быкадоров просит слова, чтобы ответить на поставленный ему Гладковым вопрос — является ли Казачество нацией? и говорит, что понятие нация — сложное понятие, понятие государственное. Есть, например, американская нация, но Америка населена различными народами. „Я в своем исследовании говорю, что „Казачество — особый народный организм“. Но это вопрос — чисто теоретический, для политической цели В. К. решающего значения не имеющий, ибо один и тот же народ может образовывать отдельные государства, как, например, один немецкий составляет два государства — Германию и Австрию. Я продолжаю оставаться вольным казаком, ибо я казак на все 100%, ни от одного своего слова, прежде сказанного, я не отказываюсь. Я категорически протестую против утверждения, что В. К. — „измена“, „предательство“ России. Никакой измены, никакого предательства нет и не может быть! Ибо все обязательства Казачества разрушены революцией и осталось только пустое место, на котором можно строить какое угодно здание! Но я откровенно говорю — перестал верить в осуществимость этой цели. Невозможно осуществить... Если вы веруете, то в добрый час, дай Бог вам успеха. Кто верует — веруйте, но делайте дело, ибо вера без дела — мертвая ешь. Делайте, действуйте, если у вас будет дело, я рад буду служить вам и в качестве рядового... Но сейчас у меня нет веры... За 4 года В. К. почти ничего не сделало. В этом, конечно, не виноват ни Билый, ни Быкадоров, ни другой кто, а казачья инертность, отсутствие у казаков готовности к материальным жертвам во имя общего дела. Казак готов пожертвовать и руками и ногами, и головою и жизнью, но вот материальные жертвы он не может делать. Я спрашиваю вас — внесли ли вы подписную плату за журнал „В. К.“? Я уверен, что нет... Нельзя винить чужих „воров“. Ведь из казачьих министров 70% оказались ворами... Нужна жертвенность, а казачество выдохлось“...

(Окончание следует).

Доклад Ш. Н. Балинова в г. Лионе.

Недавно возникший в г. Лионе „Союз Вольных Казаков“, устроил 11 октября с. г. в своем собственном помещении (Grand Café — Restaurant Terminus, place Ronde, Montchat, Lyon — terminus tramv. № 2) — доклад Ш. Н. Балинова, специально прибывшего в г. Лион из г. Парижа.

„Чем стало Казачество“ — тема доклада Ш. Н. Балинова — привлекла в помещение Союза Вольных Казаков свыше ста казаков, которые — надо отдать справедливость — явились дисциплинированными и внимательными слушателями.

Нечего и говорить о том, что доклад прошел с блестящим успехом, как для самого докладчика, так и для дела развития вольно-казачьего движения в г. Лионе. Касаясь последнего, отметим, что на докладе Ш. Н. Балинова присутствовал и ряд французских журналистов, каковое обстоятельство, является весьма показательным фактом в наши дни... Предполагая, что доклад Ш.

Н. Балинова „Чем стало Казачество“ (сделанный им в г. Лионе), будет напечатан на страницах журн. „Вольное Казачество“, или-же выйдет отдельной брошюрой, не будем цитировать его построчно, а отметим лишь некоторые основные „яркие“ моменты...

— „Был казачий народ. Давлением гнетущего бремени Российских государственных верхов — появилось „казачье сословие“, и как прямое следствие „руссификации Казачества“ — расказачивание казаков со стороны — нынешних хозяев России.

Полное гражданское бесправие казака в России (и царской, и республиканской, и большевицкой), расхищение Казачьих Земель со стороны Российских властей, тягостная военная служба, оскудение и обнищание Казачества и — безусловное злоупотребление русской власти казачьей военной мощью... суть вехи пути пребывания Казачества в составе России“. Так в кратких чертах можно представить сущность доклада Ш. Н. Балинова.

Оппонировать докладчику никто из присутствовавших казаков не докладе не пожелал, лишь только один есаул П. П. Лаврентьев (терец) встал и сказал: „Бесполезно г. председателю собрания предлагать высказаться по существу доклада, ибо то, что говорил докладчик есть сущая истина, знакомая казаку еще с детства“.

Действительно, ни один из присутствовавших на докладе казаков, ничего не сказал противного по существу доклада „Чем стало Казачество“.

Все что говорил Ш. Н. Балинов — так близко, так дорого, так просто и понятно каждому казаку, но не тем нескольким „казакам“ из „Родимого Края“, которые в данное время огрызаются, как какие-то шавки, кривя и душой и разумом...

Можно полагать, а вернее рассчитывать, что в недалеком будущем, Ш. Н. Балинов зачитает вновь доклад в г. Лионе, чем доставит много удовольствия для всей казачьей колонии в г. Лионе.

А. К. Ленинов, предст. журн. „Вольное Казачество“ в г. Лионе, председательствовавший во время доклада, по окончании оного сказал краткое благодарственное слово от имени собравшихся казаков, по адресу Ш. Н. Балинова.

Кончился доклад, были сдвинуты столы и стулья, запелись вино в стаканах, полилась старинная казачья песня, ударились в танцы — лихие танцоры, вольные казаки г. Лиона чествовали своего дорогого гостя — Ш. Н. Балинова — ред. журн. „Ковыльные Волны“ и пред. калмыцкой национальной группы „Хальмак-Тангачин-Тук“.

Поздним вечером, разошлись вольные казаки по домам, выпив по предложению С. С. Настоящева — предс. Союза Вольных Казаков г. Лиона, последний бокал вина в честь редактора журн. „Вольное Казачество“. Завтраца председателя Союза В. К., была покрыта долго несмолкаемым ура!..

10-го октября местное представительство журн. „Вольное Казачество“ в г. Лионе давало официальный ужин в честь Ш. Н. Балинова, как своего собрата-сотрудника по журн. „В. К.“.

(Соб. кор.).

По стопам Богаевского и Мельникова?

(Письмо из Югославии.)

На так давно Казачество во Франции было взволновано грубыми словами Донского Атамана, брошенными по адресу тех казаков, которые отказались пойти совместно с эмигрантскими организациями на могилу Неизвестного Французского Солдата, отстаивая свое право и достоинство в глазах французского народа. Не так давно Атаман Богаевский отказал казаку Шамбе Балинову в праве быть выбранным казаками состаниниками, а уже по всей Югославии, в „Кавказском Казаче“, Кубанский Атаман громит Шабакую станицу и ее атамана — П. И. Иконникова, называет казаков, подписавших приговор № 3, бунтовщиками, а атамана Иконникова — преступником, продававшим „заведомо краденные вещи“ и т. д. и т. д. Мало того одним росчерком пера несколько десятков казаков, бой-

цов за лучшую долю Кубани, вычеркиваются из списков Кубанской канцелярии, как бы лишаемые тем самым на участие в зарубежной казачьей жизни.

Но... подобные инциденты бесследно не проходят. Они, и против желания, останавливают на себе внимание рядового казачества, занятого борьбой за кусок хлеба и молчаливо следящего за тем, как постепенно вождями не только забываются заветы старых казаков, но и рушатся присяги, не исполняются Конституции, подменяются те святые лозунги, за которые Казачество шло на смерть на свои Войсковые Грани, бросая на гибель своих детей, а имущество и женщин — на поток и разграбление.

И те, кто следят, те следят с неослабеваемым вниманием, так как не далеко то время, когда казаки скажут:

Ну, довольно, поиграли нашими головами, станьте в сторону...

Но пока этого не случилось, еще есть среди нас много доверчивых и неосторожных, которые, неразбравшись во всем происходящем, идут слепо за теми, кто ничего не дал Казачеству, кроме изгнания, унижений и позора.

В последнем номере „Кавказского Казака“ Осецкая станица вынесла Шабачкой станице порицание. Сделано это преждевременно. Для того, чтобы выступить против своих же братьев, казаков, надо послать хотя бы человека, чтобы ознакомиться на месте с теми событиями, которые произошли в городе Шабаце, а не выносить постановлений на основании только приказов. Собака во всем этом зарыта гораздо глубже, чем это кажется читающим распоряжения и приказы „Кавказского Казака“.

Атаман П. И. Иконников накрыл некую теплую компанию, которая не только злоупотребляла доверием сербского народа, но и занималась форменным мародерством, расхищая вещи умерших казаков, как это проделал, напр., Председатель Русской Колонии г. Лепилкин (см. постановление Шабачского суда, где атаман Иконников назначен судом обвинителем и опекуном, как атаман и уважаемый всеми сербами казак) над имуществом умершего казака полковника Давыдова. Будучи человеком сильной воли, он один, карая неправду, пошел против всей эмиграции власть имущей, не останавливаясь даже перед высылкой за границу Королевства. Так враги, боясь, что вся история выплывет наружу, составили на него донос и обвинили в большевизме. Это излюбленный способ, чтобы в 24 часа убрать человека из Югославии, направив его по этапу в лапы большевиков. И это бы случилось, так как одно лицо, всесильное среди российского бегенства, поставило на доносе соответствующую резолюцию, если бы не семь сербов, почетных казаков станицы, начиная с Епископа Михаила и кончая видными гражданами и администраторами города Шабаца, не встали как один на его защиту и не взяли бы его на поруки, зная кому и почему надо убрать Иконникова. Влиятельное лицо получило по носу, увидев у себя в канцелярии возвращенный Министерством донос. Тогда в экстренном порядке делается нажим на Кубанского Войскового Атамана — убрать во что бы то ни стало Иконникова, опозорить в глазах казаков, вырвать у него из рук сильную и многочисленную станицу. Разговор этот, где Атамана уговаривали „просто приказать“, слышал совершенно случайно Атаман Общеказачьей Студенческой станицы. По ходу событий было несомненно, что говорилось о Шабачких казаках.

В. Атаман ген. Науменко сел писать письмо...
Многоуважаемый Павел Иванович!

Вы хотели в прошлом году сложить с себя полномочия, так вот теперь для общего блага это необходимо сделать. Сложите с себя полномочия, но кандидатуру свою выставьте, и если Вас опять выберет большинство, то я заставлю меньшинство считаться с совершившимся фактом...

Хитрый подход, но Иконников снял с себя полномочия и после этого был трижды выбран большинством казаков. Как же поступил ген. Науменко? Желая во что бы то ни стало избавиться от Иконникова, он не

сдерживает своего атаманского слова, не утверждает Иконникова, а посылает своего помощника ген. Звягинцева „расследовать“ дело. Тот с места же оскорбляет весь сбор своим заявлением, что он не может открыть сбор, на котором собралась почти вся станица, не видя среди присутствующих двух человек (Лепилкиных, даже не членов станицы). А на вопросы казаков стал говорить, что он распустит станицу.

Громко сказано „распустит станицу“.

Выслушав несколько приятных слов, ген. Звягинцев покидает Шабац.

За ним приезжает Атаман. Его окрик: сесты!.. сбору показал, как и с какими намерениями приехал Батка-Атаман. Вместо того, чтобы посетить Правление и тех казаков, которые всегда ему оказывали почет и гостеприимство, которые считались одной из сильных станиц в Югославии, и как сказал в речи своей П. И. Курганский, были гордостью и примером для всех остальных, он отправился к председателю Русской колонии, проживающему где то на задворках, в курнике, г. Каско, и спрашивал его: доволен ли он казаками и т. д.

Сбор был очень бурным, это видно и из приказа Атамана. Его покинули сербы почетные казаки, которые прямо высказали ген. Науменко в лицо свое мнение, его покинул и атаман Иконников с 40 казаками, как пишется в „Кавказском Казаке“. Этих ушедших было значительное большинство.

Подобрав противников старой станицы, которая получила и землю для постройки Казачьего Дома, и всякие пожертвования, и завоевала симпатии жителей Шабаца, создали в городе Шабаце — вторую станицу. Атаманом выбран Калядин. Этот Калядин живет в 25 километрах от Шабаца. Такой выбор показывает, что Атаману совершенно не важно, живет ли станичный атаман с казаками или за тридевять земель, а цель одна — убрать и убрать во что бы то ни стало человека не угодного русской эмиграции, который привык с плеча рубить правду, карать и сажать на скамью подсудимых и председателей, и полковников.

Теперь в Шабаце две станицы. Одна независимая, другая безголовая, управляемая двумя помощниками атамана, угодными В. Атаману.

Так развалена в угоду кому то сильная и стойкая станица.

Есть почему Осецкой станице вынести постановление с порицанием. Но пусть скажут казаки, положи руку на сердце, кому надо вынести порицание и за что...

Не успел еще временный атаман, полковник Гливенко, принять должность временного атамана станицы, согласно приказу (перед выборами Калядина), как он уже явился к Иконникову с требованием сдать все станичные суммы, кровью и потом заработанные казаками. Иконников сказал: если Кубанский Атаман хоть копейку положил в нашу станичную казну, пусть требует через суд, а я денег казачьих не сдам.

Тогда противники нашли одного казака-пьяницу, которого напоили пьяным, и который, ворвавшись к Иконникову, ударил его по лицу. Иконников обладающий огромной физической силой и тут сдержал себя. Пьяницу выкинули на улицу бывшие в магазине люди.

До чего могут дойти люди: обвинить человека, станичного атамана еще на Кубани, офицера, в большевизме, обвинить в соучастничестве вора, когда у Иконникова есть все документы от судов, где говорится, что он ни разу не лишился гражданской чести, наконец подослать человека избить его, опозорить всю станицу, назвав бунтовщиками, разнести всю эту мерзость и грязь на страницах „К. К.“ во всем странам, пользуясь тем, что за Иконниковым идут простые казаки, и сам он такой-же, молчаливый и сдержанный, не может ответить достойно, это ли не факт в достаточной степени рисующий, как верхи понимают и поддерживают своего брата казака. Это ли не показывает, что Атаманы до сих пор не могут найти достойный язык, на котором надо разговаривать со своим народом, и не говорит ли это о том — подходят ли они на роль вождей миллионного Казачества...

Сербы-Шабчане поняли казаков и помогли им в их несчастье, спасли станичного атамана, оградил своими законами и этот жест многие казаки не забудут, ибо

казак тем, кто его понимает и помогает ему отстаивать свои права и уклад своей казачьей жизни, сумеет и достойно отплатить...

(Соб. кор.)

От редакции: Фактическую сторону настоящего сообщения оставляем на ответственности автора этой корреспонденции.

В Париже.

В 12-й год трагической смерти члена Кубанской Рады священника А. И. Кулабухова, Обществом Ревнителей Казачества в Париже будет отслужена панихида в православной церкви в Биянкуре (136 rue Poit du jour), где будут помянуты все вожди, за Казачество живот свой положившие.

На панихиду приглашаются все казаки всех казачьих Войск.

Панихида состоится 21 ноября в субботу в 7 часов вечера.

Правление.

„Войсковой праздник“ 18 (5 октября) в Ромба.

Прежде всего считаю нужным сказать пару слов об атамане Общеказачьей Доброводской ст., по инициативе которого с такой „помпой“ был „отпразднован“ день 18 (5) октября.

В прошлом, в то время, когда атаманом станицы был ген. Васильев, а затем Михайлов, акции г. Алексева, в настоящее время атамана ст., совершенно не катировались. Однако, жажда что-то „творить“, вернее играть какую-либо „общественную роль“ не давала ему покоя ни днем, ни ночью.

Этот беспринципный господин поступался в конце концов в двери „Союза возвращения на Родину“. Есть два типа людей поступающих в этот союз. Первые — извержившиеся во всем, истосковавшиеся по семье люди, желающие только вернуться домой; вторые же, это самые гнусные не люди, а людишки, поступающие в лагерь своих вчерашних противников, дабы там воспользоваться хоть и не большим, но все-же лакомым куском, играть хоть и не большую, но все-же и не последнюю пешку роль.

Какую роль играл г. Алексеев в „Союзе возвращения на Родину“, — нужно спросить его самого. Во всяком случае тот факт, что г. Алексеев, баллотируясь в атаманы Общеказачьей Доброводской ст., всячески старался провести в писаря ст. г. Фролова, секретаря „С. В. на Р.“, говорит за то, насколько близким человеком был в этом союзе г. Алексеев.

Я не буду останавливаться подробно на предыдущих выборах в которые г. Алексеев незаконно проходил в атаманы ст., как и в этом году, а скажу лишь вкратце. Для того что-бы попасть в атаманы ст., этот господин в никаких средствах не стеснялся, доходя даже до того, что допускал на выборы лиц весьма сомнительной репутацией и не только не казаков, но и никогда не живших в Казачьих Краях. Это он мог себе позволить, ибо станицы, как таковой, фактически не существовало, даже списка членов станицы не было, и пользуясь этим, г. Алексеев предоставлял право баллотировать исключительно желательному для себя элементу, а остальным указывал на двери.

Никакие выступления, никакие протесты на этого господина не действовали и не действуют. Как и в предыдущих выборах, так и в выборах этого года г. Алексеев прошел незаконно в станичные атаманы и незаконно был „всемилодивейше“ утвержден ген. Богаевским.

А незаконно, вот почему. Зная настроение явно враждебное по отношению к себе своих хуторов, г-н Алексеев не допустил их до выборов. Никакие протесты в письменной форме ген. Богаевскому, никакие выступления положительных результатов до сегодняшнего дня не дали.

Протесты выявились в конце концов в том, что многие казаки раньше не состоявшие в станице, но же-

лавшие войти в нее, отказались от этой мысли, а состоявшие в станице вышли из ее состава.

Но это насколько не смутило г. Алексеева, говорившего неоднократно одному из членов правления, которым был поднят вопрос о составлении хотя-бы списков станицы, не существовавших в течении 6 лет, — „Если не пожелают войти в станицу казаки, то все-же я соберу человек 30 верных и станица наша будет существовать.“

Такого господина ничем не прошибешь. Ему не дорого объединение казаков, а дорого положение, которое он занимает.

Ген. же Богаевскому нужна хоть и фиктивная станица, но все-же станица, дабы внести ее в список быть может таких же 120 станиц, именем которых выступать затем на страницах „Р. К.“, обливая грязью „Вольное Казачество“.

Мне кажется, я достаточно уже коснулся личности г. Алексеева, так что теперь могу перейти и к описанию дня „Войскового праздника“, так по „казачьи“ устроенного им 18 октября.

Я не буду касаться того вопроса: следовало или не следовало праздновать день тезоименитства 6. наследника как Войсковой праздник. Вольному — воля. Мы, вольные казаки, не празднуем и не праздновали в тот день.

Итак, к 10 часам 18 октября к церкви подкатывает автомобиль. Приехал атаман со своим окружением. После обедни был отслужен молебен. Панихида же отслужена не была. Атаманы и казаки, положившие жизнь свою за Родные Края в борьбе с московской нечистью, атаманом Доброводской ст. были забыты.

Вообще должен сказать, что в течении пребывания на посту атамана ст. г. Алексеевым панихида не была отслужена ни разу.

Затем г. Алексеев со своими гостями, членами русской колонии г. Кнютанжа, направляется в кантину, где уже ждет их стол, обильно заставленный бутылками вина и эстрада, украшенная русским и французским флагом.

Но где же наши казачьи флаги? Их нет! Они также забыты г. Алексеевым, как забыты атаманы и казаки, погибшие за свободу Казачества на полях Дона, Кубани и Терека.

В сущности говоря, удивляться нечему. „Каков поп, таков и приход“. Если кто нибудь из читателей был на квартире г. Богаевского в Париже, тот отлично знает, что квартиру выборного Атамана Войска Донского украшает не казачий флаг, а русский.

Чему собственно удивляться? Можно только возмущаться наглостью этих господ, прикрывающихся казачьим именем ради своих личных целей, но отнюдь им не дорожащих.

С первым тостом выступил г. Алексеев. Это была не речь, а какие то истерические выкрики оратора 17-го года, повергшие в уныние даже его окружение. „Мы страдали!.. Мы умирали!.. Ура!..“

И только минут двадцать спустя, после столь блестящей речи, вспомнил, что следует спеть гимны. Но уж лучше было бы и не вспоминать. Это была последняя выходка, оскорбляющая Казачество.

Запели Донской гимн. Правда, встали все, но Боже! — с каким неуважением пелся наш гимн! Руки у некоторых присутствующих были запущены в карманы, небрежные позы, слова первого куплета о Свободе, а запели „К Туркам в гости снаряжает, чтоб добыть России мир“. На этом „праздник“ в кantine закончился.

Лучше было-бы если-бы он вообще не начинался.

С. Поляков.

В Белграде.

Глубокоуважаемый г-н Редактор!

Прошу не отказать и поместить на страницах „Вольного Казачества“ нижеследующее:

18 сего октября в день тезоименитства бывшего наследника престола бывшей Российской Империи в Белграде Казачье представительство и комиссия назначенная Куб. Войск. Атаманом устроили кубанский вечер с концертным отделением, для чего был приглашен

казачий хор полк. Рудько из гор. Ниша. О самом этом дне, как о казачьем празднике, говорилось уже достаточно. Все равно горбатых не исправишь.

Комиссия назначена Войск. Атаманом для изыскания средств на постройку Кубанского дома в гор. Белграде, как центре кубанцев за границей. С этой целью и был устроен Кубанский вечер. Цель хороша, слова нет, но посмотрим как она проведена.

Во-первых: вечер был устроен в помещении Русского офицерского дома, другими словами, там, где все без исключения не терпят казаков и казачества, и лишь благосклонно относятся к „казачкам“, „служащим верой и правдой“. Разве мало нам приходилось слышать от русских людей, — сознайтесь откровенно белградцы-казаки, — что мы изменники, что через нас погибла Россия, что мы ограбили Россию, что мы разбойники и т. д., да всего и не перечтешь. И мы пошли туда просить подачки на постройку своего дома. Неужели мы, если любим казачество, свою вольность и старину, если мы признаем необходимость этого дома, не смогли бы найти путей своими чисто казачьими силами и средствами сделать то, что нам хочется?

Дальше о самом концерте: я лично, многие казаки и даже русские, идя на концерт, выражали желание видеть казаков, слышать казачьи песни про станицы вольные, про родной свой край и хоть на минуту забыться и представить себя там, где остались наши души, вспомнить родное — растерзанное рукой палачей Войско.

И... что же мы увидели и услышали?

Увидели казачий хор, кадр Запорожского полка, в серых армейских фуражках с армейскими кокардами.

„Де ж ви, славні Запорожці, сини славної волі?

Де ж ви, озовіться!..“

И... отозвались. При глубокой тишине слышится:

„Ты и могучая, ты и всеильная, матушка Русь!“

Казаки! Где же ваши прекрасные папахи? Где ваши красивые песни про степи широкие-бескрайние кубанские, про нее, Кубань „многоводную и раздольную“? Где же песни боевые?

Пропел хор еще две „русские“: „Соловьем залетным“ и „Буря мглою небо кроет“, где ни одного слова о казачестве не встретишь. И, как горькая ирония, слышится дальше: „Бьють пороги“. Есть там слова: „Тяжко важко сиротині, та ніхто не баче, тільки ворог, що сміється!..“

Да! тяжело матери-Кубани будет видеть и встречать таких сынов-казаков, а „ворог“ действительно сміється. И опять слышатся слова этой же песни: „Не вернуться Козаччина, не встануть гетьманы, не покринуть Україну червоної жупани...“

„Не вернуться Козаччина“, бо ми наділи картузи з кокардами і співаємо про „могучую Русь“, а за батьківщину й козацтво забули...

Недавно в Белграде образовался общеказачий хор, который тоже хотел выступить с чисто казачьими песнями но „свыше“ было сказано: „не разрешаю, не допущу“. Очевидно боялись испортить „казачий репертуар“ Нишского хора. Мотивировали еще и тем, что дескать хор не подготовлен и провалится. Не беспокойтесь! В течении многовекового своего существования казаки пели свои прекрасные песни „без подготовок“, да так пели, что любо было слушать хоть кому.

Этим восприпятствовали и выступлению бандуриста А. П. Ч., оскорбив его, как регента этого хора...

Вот что казаки видели и слышали на „казачьем вечере“.

Не с целью оскорбить кого пишу я эти строки, а лишь только хотел рассказать казакам правду о том, что было...

Да! „Не вернуться Козаччина, не встануть Гетьманы, не покринуть Кубань маті червоної жупани“, а... покрыли мы свои головы сірими картузами... и будем „покорными и верными слугами московскими“. Не горько ли вам было слушать и смотреть на все это, братья казаки, там присутствовавшие?

Казак Кубанского Войска Нестор Держак.

Группа Панчевской Кубанской станицы со своим атаманом Гр. Дячевским (сидит справа в шляпе) в день Покрова.

Снимок сделан г. Костюченко.

В Братиславе.

Многоуважаемый ст-к Редактор!

Найдете ли нужным, поместите сей „реферат“ о наших делах Братиславских. Не мастер я писать, да этим делом и не думаю заниматься, но у нас дела „развертываются“ так, что не говорить нельзя.

17-го октября, „Общеказачья станица на Словакии“ праздновала праздник „Покрова Богородицы“, на который правление станицы пригласило гостей: украинцев и русских.

Казаков и с „сословием“, т. е. русскими казаками, сошлось 14 человек; гостей двое — представители местного украинского кружка. Русские не пришли, но были честно и мужественно представлены „сословием“.

Празднование началось словом станичного атамана об истории этого казачьего праздника, содержание которого, казалось, давало тон чисто казачьему празднованию. Но не тут то было!

Вместо того, чтобы подчеркнуть торжественность момента казачьими гимнами, атаман (И. Бойко) предложил желающим „высказаться“. Слово взял представитель „крестьянской России“ или „сословия“ д-р Желдаков, да так высказался, что потом получилось не празднование, а целый конфуз. Прежде всего „колупнул“ казаков их политической пассивностью. „Посрамив“ порядком, поставив примером активность „богоносно-го“ русского крестьянина, который де уже выказывает жертвы в борьбе за освобождение „многострадальной матушки“ от большевиков... Наверное, чтобы больше „нагнать“ впечатления на присутствовавших, напомнил о том, что казаки, мол, всегда шли авангардом в боях за честь и славу „многострадального“ русского „крестоносного“ мужика, ее, матушку Россию, и т. д. И теперь этот примат (какая честь!) должны удерживать...

Свое сквернословие на казаков и Казачество г-н Желдаков заключил угрозой „просеять“ всех в решете, — покорных обещал пустить на Родину, а остальных ликвидировать так, чтобы навсегда покончить с этим вредным элементом для России.

Словом, представил русского во всей его красе: от петровщины до николаевщины, милюковщины с керен-

щиной, показал морду деникинщины с освагом и сотрудным „сословием“, и наконец, — взлет русской души и его чаяний — большевизм с ГПУ!

Я был настроен после речи этого сословца так „торжественно“, что предложил вместо казачьих гимнов пропеть: „храни боже царя“, „интернационал“, и гимн крестьянской России... дабы, так сказать, полностью запечатлеть „торжественную“ минуту, созданную г-ном Желдаковым.

Все же решили петь казачьи гимны. О самом пении умалкиваю. Слова представителя украинцев, поздравившего с праздником и пожелавшего Казачеству победы в его освободительной борьбе за свою самостоятельность и скорого возвращения на свою Родину, — уже не вправили собравшихся в рамки праздника. Развернулась невкусная политическая дискуссия, закончившаяся празднеством тем, что все преждевременно разошлись по домам в самом паршивом настроении.

Словом, заметно прорывается стремление „русских казаков“ превратить „Общеказачью станицу на Словакии“ в филиалку здешнего русского „кружка“ или партии „крестьянской России“. Удастся ли, — увидим...

Г. Еременко.

Праздник в Томашевце.

Есауловцы, по примеру прошлых лет, праздновали казачий праздник в селе Томашевце, где был отслужен молебен и панихида по павшим казакам и казачьим вождям.

Скромность и тяжелая нужда долгого заграничного пребывания не помешали казакам в этот день забыть тяжести и хотя мысленно перенестись туда к себе на Родину.

Трапеза. Тосты. Пожелания. Казачья песня лилась до утра.

Будем верить, что следующий праздник они будут справлять не в Томашевце-Банате, а в станице Есауловской в Казаккии.

Г. А.

В поисках земли.

Казаки всех Войск желающие селиться на земли в Южной Америке в Парагвае, приглашаются записаться

и составить группу или станицу. После того, как наберется группа в 25 человек (семей), будет возбуждено ходатайство относительно переезда за океан на земли уже отпущенные для колонизации за средства Лиги Наций взаимнообразно.

Записываться у M-eur Khoroujenko (Хоруженко).
82 av. Sidoine Appolinaire, maison,
O. Lyon (Vaise), France.

Там-же и маленькие подробности. Ожидается подробное выяснение по поводу колонизации.

В Лионе.

Многоуважаемый г-н Редактор!

Не откажите на страницах Вашего журнала поместить нижеследующее:

Союз Вольных Казаков гор. Лиона, приносит свою глубокую благодарность, всем станичникам и станицам, откликнувшимся на наш призыв отпраздновать 25 сего октября наш старинный всеказачий праздник, праздник Покрова Пресвятыя Богородицы.

Та многолюдность и тот подъем, с которым был отпразднован этот праздник, свидетельствует о том, что несмотря на тяжелую годину лихолетья, выпавшую на долю казака, дух казачий не загдох, что живы еще казаки и ими еще не забыты заветы и обычаи седой старины, заветы тех, кто прославил имя казака, кто дал нам сейчас возможность с гордостью называться казаком.

Помните, дорогие станичники, что освобождение нашей родины находится в наших и только наших руках и возможно лишь при нашем полном единодушии и полном единении.

В единении сила, и вот мы сегодня зовем к этому единению всех казаков, в ком бьется казачье сердце и в ком не застыла еще казачья кровь.

Помните всегда, что когда наша родина сбросит с себя наложенные цепи рабства, она каждому из нас воздаст по его заслугам.

Сегодня мы, Вольные Казаки г. Лиона, шлем проклятье тем, кто пролил и продолжает проливать реки казачьей крови на нашей родной Земле.

Председатель Союза: С. Настоящев.

Секретарь: Мельник

Обращаем внимание читателей на новые условия подписки на журнал „В. К.“ на 1932 год, напечатанные на последней странице обложки.

В Казаккии.

По советским газетам.

Читатели несомненно заметили уже, что цены хлеба (в зерне) на международном рынке начали в последнее время повышаться. Нашлось и объяснение этому. Оказывается вывоз хлеба из СССР не только прекратился, но сами большевики начали покупать хлеб за границей. Объясняется это не только неурожаем, но и „советским хозяйством“ с одной стороны, а с другой и тем, что не только единоличники, но и колхозники и совхозники — рабочие советских хлебных фабрик выражают явное намерение на всякий случай обеспечить себя хлебом в первую голову. Некоторое подтверждение этому можно найти и в самих сов. газетах.

„Молот“, напр., 17 октября предписывает: „Взыскать весь хлеб по твердым заданиям“, ибо „с кулацко-зажиточных хозяйств в крае (Северо-кавказском) не взыскано еще около... 40 проц. твердых заданий...“

В том же „М.“ 19 октября читаем и о севе. На этом фронте тоже неблагоприятно: „Признать положение с севом в районах южнее Азовского, Мечетинского и Сальского явно неудовлетворительным, ставящим под угрозу выполнение плана сева и урожай будущего года.“

16 октября и в Краснодарском „К. З.“ „отмечают“ „исключительно катастрофическое положение с развертыванием сева...“ Там же объявляется „тревога на хле-

бозаготовительном фронте": „Когда же партколлективы обеспечат в хлебозаготовках перелом?" А на другой день: „Перелома нет."

21 октября в „М." приказывают: „До конца сокрушить кулацкое противодействие хлебозаготовкам". Там же „отмечают": „Нет подлинной тревоги за хлебный план!"

Как „хозяйничают" в хлебных фабриках, узнаем из „М." от 22 октября, где „констатируют" „позорные темпы сдачи хлеба в „Балтийском рабочем". Оказывается: „До сегодняшнего дня (22-X) на полях „Балтийского Рабочего" лежит хлеб в копнах на площади около 4000 га..."

„К. З." 24 окт. отдает приказ: К XIV годовщине октября добиться решающих успехов на фронте осенних работ и хлебозаготовок. „Значит — „успехов" еще нет.

„Сломить все препятствия хлебовывозу!" „Решительную борьбу с оседанием хлеба в колхозах!" гремит „М." 26 октября.

„Уборку и заготовку пропашных — под особое наблюдение!" — раздается в „М." 30 октября.

Не лучше и на фронте промышленности: „Не снижать, а повышать темпы!" командует „К. З." 26 октября, ибо „итоги работы краснодарской промышленности во второй декаде (от 10 до 20) октября не обеспечили необходимого перелома..."

И так всюду. Астраханский „Коммунист", напр. 5 октября распоряжается: „Непрерывным лавом сломать кулацко-поповскую агитацию..." И сейчас же: „Тревога! октябрьский месячник ударного лова поставлен под угрозу. Во что бы то ни стало ликвидировать прорыв."

7 октября там же читаем: „По боевому ликвидировать прорыв в работе сберегательных касс..."

На следующий день там же пестрят заголовки: „На штурм, на ликвидацию прорыва!" „Позорнейшая пятидневка." „Ползучие темпы". А 10 октября — „За ударный безбожный лов!"

Письма с Дона.

I.

16 июня. Здравствуй дорогой и жалкий мой братец П., письмо твое С. получили, а про меня там нет ничего. Я пошла читать, а мне и слушать нечего. Я раздумывала — почему это так и решила, что там мне была записка, а ее кто-то вынул. И так это мне было обидно, что я много плакала, что не удалось с тобой поговорить, а также мне хотелось узнать, получил ты мое письмо или нет.

Жалкий мой братец, я уже стала плохо видеть, я уже выплакала свои глазки, я обижена, дожилась, что я всех растеряла и не с кем даже про свое горе поговорить, некому пожалиться, только тем и отделиваюсь, что поплачу, как получу письмо. Дорогой П. я сейчас живу очень плохо, осталась я с Ваней (ее малолетний сын) разуты, голодны и угла у нас нет. Так дорогой братец дожилась, что остается один выход, или сойтись с каким-нибудь батраком или петлю на шею, жить больше невозможно.

А пропиши ты мне мой жалкий братец, что вы там думаете, придти, или так вы нас и бросили страдать, у нас уже нет крова, нечего есть, костей уже не будет до того замучили гады, жить не дают. А вам там можно жить, вот вы и живете, кого же вы там защищаете, а нас здесь вторые звери доедают и никому мы будто не нужны.

Наверно мой братец от меня ты это последнее письмо читать будешь. Я более жить не могу. Я тебе писала то письмо и не знаю, что писала в слезах, разбирай и не обижайся, что плохо писала. Сердце разрывается от этой проклятой жизни. Всю мою жизнь отняли и осталась я несчастная в чужом уголку, да еще большая у меня беда с Ваней, с ним ехать некуда, а оставлять его негде и ненакого...

Я дорогой братец чужая работница, где поработаю, там и пsem, а больше голодные сидим, спасибо еще, мамаша пока меня не бросает, у нее пока и живу. Ваня мой в школу не ходит, потому что мы вредители им... Дорогой П. я хочу маму перевести назад и будем жить у тети П. а в своей станице жить нельзя. Все невозможно писать, даже много надо писать. Твоя сестра.

II.

22 июня. Жалкий мой братец П. написала я тебе записку и получила через несколько дней твое письмо. Спасибо, что ты так сделал, как я тебя просила и никому в нос не воткнулось. П., мы пока сей-час с мамашей все еще дома, а кума И. выселили 20 июня. У нас выслали 25 дворов и говорят, что всех единоличников выселим. Мы пока на месте. От папа еще нет письма, не знаем где остановится, обещал тогда писать. От Л. другая неделя, как было, а сей-час слышно, что еще куда-то их перегоняют. Дорогой братец, даже хотелось хоть раз с тобой увидаться, да наверно не придется, у нас сей-час такое несчастное положение, что очень трудно жить, очень много принимаем голоду, так думаю, наверно не переживем это тяжелое время. Будет конец или нет, я никак не надеюсь, чтобы эта советская власть исчезла, даже она залила, что кожи наверно не останется. Дорогой братец, пиши письма, хоть мне на сердце будет легче. Думаю последнюю кофту продать, может два пирога куплю. Я тебя прошу пропиши ты мне, до каких пор вы там будете работать, а мы здесь без вас. Пропиши, не бойся, что у вас, там, никаких слухов нет, неужели вы нас и не выручите, а мы все надеемся на вас, а вы наверно про нас и не думаете. Сей-час у нас нет никого, В. Д. где-то скрылся, В. Г. в тюрьме сидит, кто где попоало, всех поразгоняли. У нас сей-час сломали 60 амбаров кулацких, строят для колхоза. Сарай ломают, но у нас пока стоит, хотели нас в колхоз, но мы сказали, умрем на месте, но в колхоз не пойдем. Помочь ты нам, пожалуй, не помогай, если не удастся через М., то лучше себя не обижай, потому что сей-час за границу деньги не принимаются.

Целую тебя, твоя сестра.

III.

9 сентября. Дорогой мой племянник П., ... хлеб мы намолотили, дали нам норму, а за то верно умирать с голоду будем, колоски собираем. Пока тепло, мы питаемся кое-как, а как холода пойдут, так погибли, как мухи не евши. Дорогой П. мы не увидимся, 12 лет, как мы не видимся, то-то было их трудно переносить. Дядя И. на Урале, прислал нам письмо, пишет, трудно на чужой стороне быть обобранными, разутыми и раздетыми... Твой...

IV.

2 октября 1931 г. Здравствуйте дорогие мои дети Митя и Мура, сообщаем вам, что пока мы живы всем семейством, но житье очень трудное для нас, все так дорого стоит, а денег у нас нет, достать их негде, а хотя и будут деньги, то за каждую вещь приходится платить так дорого, что и деньги ни к чему. Например, суконная тужурка стоит около 90 рублей, чуваки 20-25, хлеб 40-35 рублей пуд, у частных все дорого, но взять не за что, так что приходится большие бедствия терпеть со всем сиротским семейством. Если можно, то не бросай Митя нас на старости лет с сиротами, помоги, чем можно, просим вас дорогие наши дети...

Пишите нам, пишите чаще письма, побольше новостей, пишите как вы живете, мы живем очень плохо, особенно трудно мне пришлось на старости, я в этих летах переживаю такое, что не дай Бог никому переживать...

Алеша, хозяин наш молодой, на работе в совхозе верст 100 от нас, их выгнали туда работать, как единоличников, а колхозники работают в станице, дома.

Ну, на этом пока заканчиваю письмо, горячо целую вас мои дети...

Розыски.

Подхорунжий Донского Войска Ив. Мих. Мамлин розыскивает своего сослуживца Мих. Ив. Саенкова. Адрес Мамлина: Польша. Волянь. Клевань № — 2.

Василий Ив. Пермяков розыскивает своих двоюродных братьев: есаула Ив. Ник. Плохова и ур. Андрея Ал. Азякова (ст. Нижне-Курмоярской). Писать по адресу: M-eur V. Permiakoff, Velestino (Volo), Grèce.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	150 лева	250 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В Греции	100 др.	150 др.	10 др.
В С. Америке и др. странах.	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchěcoslovaquie.
 Подписную плату посылать только по адресу редакции.